

человек загадка

Владимир
ШИГИН

ГЕРОЙ
И ЛЮБОВНИК

АДМИРАЛ
ШЕПЕЛОВ

Владимир Виленович Шигин
Адмирал Нельсон. Герой и любовник
Серия «Человек-загадка»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10318028
Адмирал Нельсон. Герой и любовник / Шигин В.В.: Вече; Москва; 2013
ISBN 978-5-4444-1079-0

Аннотация

Горацио Нельсон с двенадцати лет посвятил себя морю, стал самым молодым капитаном британского флота и самым прославленным флотоводцем в мировой истории. Не меньшую известность, чем его блистательные победы при Абукире и Трафальгаре, принесла Нельсону романтическая история любви к прекрасной леди Гамильтон. Богатая приключениями и скандальная жизнь красавицы Эммы увековечена в многочисленных романах и театральных пьесах. Но как ее смог завоевать человек маленького роста, болезненной худобы и с невзрачным вечно «кислым» лицом; человек, у которого, к тому же, из-за постоянных болезней недоставало доброй половины зубов? Военные победы Нельсона хорошо известны, но какой силой он привлекал к себе женщин?

Содержание

Юность на палубе	4
От лейтенанта до капитана	12
В водах Вест-Индии	19
Женитьба и нелегкие годы	23
Капитан «Агамемнона»	30
На румбах Средиземного моря	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Владимир Шигин

Адмирал Нельсон. Герой и любовник

Юность на палубе

29 сентября 1758 года в семье приходского священника забытого богом и людьми местечка Бернем-Торп, что в графстве Норфолк на крайнем северо-востоке Англии, родился мальчик, которому судьба уготовила самые невероятные подвиги и всемирную славу. Родившегося мальчика нарекли Горацио, и был он шестым ребенком в семье.

Отец ребенка, преподобный Эдмунд Нельсон, служил священником в соседнем городишке Хилборо. Род Нельсонов издревле был богословским. Супруга преподобного Нельсона, Кэтрин, была дочерью Мориса Саклинга, каноника Вестминстерского аббатства.

Трое детей Нельсонов умерли уже в самом раннем детстве. Что касается маленького Горацио, то он родился столь слабым, что отец с матерью поспешили его крестить уже на десятый день, на тот случай, если жить ему суждено недолго.

Горацио выжил, однако рос на редкость хилым и болезненным.

Увы, детство нашего героя не было безоблачным. В канун Рождества 1767 года после долгой болезни в возрасте сорока двух лет умерла мать Горацио Кэтрин Нельсон. Смерть хозяйки дома резко изменила уклад жизни семейства Нельсонов. Восемь детей, младшая из которых была еще грудным ребенком, требовали больших забот, да и прокормить такое семейство тоже было делом далеко не простым.

Памятный знак в Бернем-Торпе

Надо было думать, как устраивать детей в жизни. И здесь не обошлось без самой активной поддержки братьев Кэтрин Нельсон – Мориса и Уильяма Саклингов, имевших достаточно обширные знакомства в Лондоне. И если первый был к тому времени одним из известных своими победами флотских капитанов, то второй занимал видную должность на столичной таможне.

У Эдмунда Нельсона не было средств, чтобы купить сыну патент на офицерский чин, что было тогда в Англии делом весьма распространенным. Оставалось последнее – военно-морской флот. Однако слабое здоровье Горацио вызывало у отца понятные опасения. Но делать было нечего. Тем более что в один из своих приездов в Бернем-Торп капитан Морис Саклинг обещал помочь устроить на флот того из своих племянников, кто выразит к этому желание.

Весной 1770 года Горацио Нельсон прочитал в газете, что Морис Саклинг только что назначен капитаном 64-пушечного линейного корабля «Резонабль», недавно захваченного у французов, и теперь активно готовит его к предстоящим боям с испанцами. Он тут же побежал к старшему брату Уильяму и попросил его написать отцу, что он хочет служить у дядюшки Мориса.

Известие о желании Горацио податься в моряки немало удивило преподобного Эдмунда. Не менее Эдмунда был удивлен решением хилого Горацио и сам дядюшка Морис. Помня о своем обещании, он сразу же согласился взять племянника к себе на корабль, но не удержался от того, чтобы не написать Эдмунду мрачные строки: «Чем провинился бедный Горацио, что именно ему, самому хрупкому из всех, придется нести морскую службу? Но пусть приезжает. Может, в первом же бою пушечное ядро снесет ему голову и избавит от всех забот!»

* * *

Итак, судьба Горацио Нельсона была решена. Стояла ранняя весна 1771 года, и Горацио Нельсону исполнилось всего лишь полных двенадцать лет.

Как вспоминал впоследствии Уильям Нельсон, расставание с братом было грустным для обоих. Мальчики плакали и долго стояли обнявшись.

В те дни «Резонабль» готовился выступить под парусами в составе Атлантической эскадры, идущей отвоевывать для британской короны захваченные испанцами Фолклендские острова. Вообще-то, честно говоря, англичане имели на этот отдаленный южно-атлантический архипелаг прав куда меньше, чем те же испанцы, но это никого в Лондоне не смущало. В Европе назревала новая война.

Непрочный мир 1763 года, казалось, висел на волоске. Первыми опомнились испанцы, посчитавшие, что Фолкленды не стоят большой драки. В конце концов за дело взялись дипломаты, и конфликт между державами был предотвращен.

Однако поход британского флота в Южную Атлантику в последний момент был отменен. Часть кораблей, и в том числе «Резонабль», сразу же была поставлена на консервацию. Поэтому капитан Саклинг подыскивает племяннику новое место. Он определяет его юнгой к своему старому товарищу Джону Ратборну, капитанствующему на торговых судах.

Первое прощание, или За тридцать летдо Трафальгарской битвы. Художник Дж.-У. Джой

Капитан Ратборн собирался идти в Вест-Индию, и такое плавание могло стать прекрасной школой для начинающего моряка.

Именно в этом годичном рейсе на торговом бриге получил свои первые практические знания в морском деле и юный Нельсон. При этом Ратборн всегда держал мальчика при себе, уделяя его воспитанию и обучению самое пристальное внимание. Однако делал он это с учетом своего собственного жизненного опыта.

По окончании рейса в Вест-Индию дядя снова забрал Горацио в военно-морской флот, устроив вестовым на один из кораблей. Однако на нем Нельсон пробыл недолго. Обязанности вестового не слишком привлекательны даже для столь юного моряка, и Саклинг забирает племянника к себе на «Триумф», но теперь уже в качестве мичмана.

— Теперь ты стал настоящим «херувимом»! Так у нас в шутку именуют самых молодых офицеров! — дружески подмигнул он растерянному племяннику.

Что касается Нельсона, то ему, разумеется, повезло. О такой поддержке, какая была у него, мог в то время мечтать каждый из поступающих на флот. Традиционно в английской

литературе, посвященной Нельсону, о роли капитана Саклинга в его судьбе упоминается вскользь, упор всегда делается на выдающиеся личные качества Горацио, которые проявились у него в самом юном возрасте и обеспечили ему столь стремительную карьеру. Будем справедливы: талантливых моряков в британском флоте всегда было немало, однако мало кто из них имел такого влиятельного покровителя, какого имел Нельсон.

Несмотря на то что «Триумф», как и год назад, нес дозорную службу у берегов метрополии, капитан Саклинг настойчиво занимался морским образованием племянника. Изучением навигации он заинтересовал Нельсона, пообещав, что в этом случае разрешит ему самостоятельное управление корабельным баркасом. Под руководством дядюшки и некоторых офицеров Горацио вскоре овладел основами навигации и морской астрономии, научился читать карту и исполнять обязанности канонира. Помимо этого дядюшка приставил Нельсона к корабельному ревизору, и тот посвятил юношу во все тонкости корабельного снабжения и хранения припасов.

Вскоре Горацио уже получил в свое распоряжение обещанный баркас и смог вдоволь ходить на нем в устьях Темзы и Мидуэя.

Изо дня в день, из месяца в месяц мудрый Морис Саклинг готовил из племянника будущего офицера. Однако нельзя стать настоящим моряком, не побывав в дальних плаваниях, а потому капитан Саклинг начал присматривать для Нельсона поход, который смог бы его многому научить. И такой случай вскоре представился.

Экспедиция на Пенобскот («Резонабль» – второй слева). Художник Д. Серр

* * *

Еще с осени 1772 года среди моряков британского флота поползли слухи о планируемой Королевским обществом полярной экспедиции. Для участия в экспедиции в Портсмуте снаряжались два больших брига – «Рейсхорс» и «Каркас». Когда полярная экспедиция под командованием капитана Фиппса покинула берега Англии, в составе экипажа брига «Каркас» был и четырнадцатилетний Горацио.

Увы, но парусным бригам оказались не по силам возложенные на них задачи. Время покорения Арктики еще не пришло, как не настала еще эпоха пара и электричества, с помощью которых стало возможным идти к Северному полюсу.

Суда английской экспедиции смогли продвинуться лишь на десять градусов севернее полярного круга, когда путь им преградил непреодолимый ледовый барьер. Начали нервничать даже издававшие виды гренландские лоцманы, которые еще никогда не забирались так далеко на север. При очередной подвижке льда оба брига оказались окруженными со всех сторон огромными ледовыми полями. Теперь впору было думать не о покорении северных широт, а о спасении судов и людей. Дни шли за днями, лето было уже на исходе, а суда по-прежнему находились в ледовых тисках, которые с каждым днем сжимались все крепче. Когда закрылся последний проход, матросам было велено рубить во льду канал шириной в двенадцать футов. В одной из таких вахт Нельсон и «отличился». Он самовольно отправился по льду с ружьем охотиться на белого медведя и едва сам не погиб.

После возвращения устроить племянника на хорошее судно и к хорошему капитану снова взялся безотказный дядюшка Морис. Авторитет и знакомства капитана Саклинга сделали свое дело, и вскоре мичман Нельсон уже был внесен в судовые списки 20-пушечного брига «Сихорс». Во главе уходящей эскадры был поставлен опять же старый друг капитана Саклинга сэр Эдвард Хьюз, один из самых хитрых и предприимчивых адмиралов за всю историю британского флота.

В ноябре 1773 года бриг «Сихорс» покинул Спитхедский рейд вместе с фрегатом «Солсбери», на котором развеялся контр-адмиральский флаг Хьюза.

Плавание складывалось успешно. Когда суда проходили мыс Доброй Надежды, Нельсон уже сдал экзамен на матроса 1-го класса. Теперь он учился вести вахтенный и навигационный журналы. Во время похода «Сихорс» столкнулся с пиратским судном, обменялся с ним пушечными залпами. При всей своей незначительности именно этот эпизод стал первым боевым крещением молодого Нельсона.

Капитан Э. Хьюз. Художник В.-Б. Сириес

Почти год Нельсон провел в плавании по Индийскому океану. За это время тщедушный мичман возмужал, вытянулся и окреп. Однако климат оказался вреден для Горацио, и в конце 1775 года его свалил приступ лихорадки. С каждым днем состояние молодого мичмана ухудшалось. Консилиум врачей, осмотревший Нельсона, вынес решение о его немедленной отправке в метрополию. Больного мичмана доставили на судно «Дельфин», уходившее с грузом в Англию. Обратное плавание длилось более полугода. К концу плавания Нельсон выглядел уже вполне здоровым.

* * *

По прибытии на родину Нельсона ждало приятное известие: его любимый дядя Морис Саклинг стал главным ревизором Королевского флота, а следовательно – одним из первых

лиц в нем. В руках главного ревизора были все флотские финансы, а что это значило, объяснить, думается, излишне.

Пока толпы претендентов на корабельные должности осаждали Адмиралтейство, все вопросы за племянника решил дядя Морис. Уже через два дня после возвращения мичману Нельсону было предложено явиться на 64-пушечный линейный корабль «Вустер», который готовился конвоировать торговые суда от Англии до Гибралтара и обратно. Назначен же Нельсон был уже четвертым лейтенантом, то есть становился полноправным вахтенным начальником, хотя все еще не имел офицерского чина. О таком назначении можно было только мечтать, ведь помимо превосходной практики члены экипажа еще и неплохо зарабатывали на отчислениях хозяев торговых судов за охрану.

Всю осень и зиму Нельсон провел в море на «Вустере», который нес патрульную службу и сопровождал бесконечные торговые караваны. Нельсон служил, как всегда, истово, стараясь быть во всем впереди остальных. Вскоре капитан Робинсон доверил молодому мичману самостоятельное несение ходовой вахты. Это было огромным доверием, так как даже на небольших судах самостоятельную вахту несли только лейтенанты, а здесь под полное подчинение Нельсону отдавался целый линейный корабль! Об этом весьма знаменательном факте своей биографии Нельсон написал впоследствии следующее: «Из-за моего возраста мне могли не разрешить вахтенную службу, но капитан Робинсон неоднократно говорил, что он так же спокоен, когда я на палубе, как при любом другом вахтенном офицере».

Весной 1777 года Горацио Нельсон прибыл в Лондон для сдачи экзаменов на чин лейтенанта. Теперь Нельсон получает назначение на фрегат «Ловестов» под командованием капитана Локера. И здесь, разумеется, вновь не обошлось без заботливого дядюшки. Назначение на «Ловестов» было весьма выгодным, так как фрегат должен был отплыть в Вест-Индию, где ему предстояло перехватывать американские коммерческие суда и мешать судоходству Североамериканских штатов. А это сулило богатые призы и хорошие деньги.

Дело в том, что к этому времени североамериканские колонии Англии решили отделиться от метрополии. Англия перебросила на Американский континент дополнительные войска, и с 1774 года там началась настоящая война. Американцев немедленно поддержала Франция, искавшая любую возможность навредить своей соседке. Чтобы подорвать экономику восставших, следовало блокировать их порты. Именно для этого в Вест-Индию и перебрасывались новые эскадры. Однако и англичанам пришлось несладко. Воспользовавшись мятежом в Америке, против Англии выступили Франция и Испания. Война из колониальной быстро переросла в войну европейского масштаба.

Главный ревизор Королевского флота М. Саклинг.
Художник Т. Бордуэлл

Попасть на боевые суда, готовящиеся к отплытию в Вест-Индию, было в те дни заветной мечтой каждого английского моряка. Предстоящая кампания обязательно должна была сопровождаться многочисленными захватами американских торговых судов и как следствие этого большими призовыми деньгами.

От лейтенанта до капитана

Вест-индский театр военных действий, на который попал лейтенант Нельсон, был весьма сложен в политическом отношении. Дело в том, что, поднимая восстание против Англии, Североамериканские штаты рассчитывали прежде всего на военную помощь ее давней соперницы Франции, которая не собиралась оставаться в стороне и желала извлечь собственную выгоду из английских трудностей. Не осталась в стороне от конфликта метрополии со своими колониями и Испания. И хотя война еще не была объявлена, французские и испанские эскадры уже вовсю бороздили карибские воды. Помимо них там было полным-полно всевозможных пиратов, каперов и просто хорошо вооруженных частных судов. А потому любая встреча в море могла обернуться боем. Фрегат «Ловестов» оставил берега Англии, чтобы усилить британский флот в американских водах. Вскоре Нельсону выпал случай отличиться. При задержании очередного вооруженного торгового судна капитан Локер приказал одному из лейтенантов отправиться на него с досмотром. Однако тот замешкался, ибо погода была штормовая.

– Неужели на всем судне нет офицера, кто решился бы добраться до купца? Или мне самому брать этот приз? – гневно вскричал Локер.

Тотчас вперед шагнул Нельсон:

– Сейчас моя очередь, а если я струшу и вернусь, то наступит ваша!

С этими словами он спрыгнул в шлюпку и, несмотря на огромные волны, вскоре был уже возле чужого судна.

Храбрость юного лейтенанта пришлась по душе Локеру, и тогда некоторое время спустя он назначил Нельсона капитаном небольшой шхуны.

Спустя месяц после прибытия «Ловестова» в Вест-Индию до Нельсона дошло печальное известие о смерти Мориса Саклинга. Отныне он мог рассчитывать только на себя.

Впрочем, служба идет у Нельсона как надо, и уже в декабре следующего, 1778 года он становится командером и получает назначение капитаном на бриг «Бэджер», который был назначен охранять обосновавшихся на восточном берегу Латинской Америки переселенцев от нападения пиратов. Командеру нет и полных двадцати лет, и он полон надежд на блестящее будущее. «Пьем за здоровье новой медной иконы!» – таким был первый тост во время дружеской вечеринки по случаю получения Нельсоном нового чина. Медными иконами в британском флоте шутили именовали командеров за их золотые позументы. Командер – это еще не реестровый капитан, но уже далеко не рядовой лейтенант.

Служба по охране побережья была достаточно беспокойной. То и дело приходилось гоняться за судами контрабандистов, которых было вокруг видимо-невидимо. При этом их капитаны шли на все, чтобы спрятать судовые документы. Однажды Нельсону пришлось в течение трех суток искать бумаги, пока в конце концов они не были обнаружены в чьем-то старом башмаке.

Случались дела и поопаснее. В один из дней стоянки «Бэджера» в заливе Монтего внезапно загорелся стоявший там же бриг «Глазго». На бриге началась паника, матросы стали выпрыгивать за борт. Увидев это, Нельсон действовал быстро и решительно. Он прибыл в шлюпку на горящий бриг, где велел немедленно выбросить за борт все запасы пороха (чтобы уменьшить риск взрыва) и поднять стволы пушек вверх (чтобы в случае самопроизвольных выстрелов никого не покалечило).

В должности командера, Впрочем, Нельсон не задержался. Когда в июне 1779 года случайным выстрелом был убит капитан фрегата «Хинчинбрук» и требовалось срочно найти ему замену, адмирал Паркер сразу же определил на открывшуюся вакансию своего любимца.

Так, имея всего двадцать лет от роду, Нельсон стал капитаном. Отныне карьера ему была уже обеспечена. Дело в том, что по существовавшим в то время в английском флоте законам офицеры могли получить следующий чин независимо от того, когда получили этот же чин другие офицеры, то есть вне очереди, но только до капитана включительно. Далее вступало в силу правило, изменить которое не мог уже никто: капитаны получали следующий чин – вплоть до адмирала – исключительно в порядке очереди. Никто не в силах был помочь самому талантливому капитану стать адмиралом вне общей очереди, однако никто не мог и помешать ему стать адмиралом, когда наступит его очередь. А потому с получением капитанского чина Нельсон встал в общую капитанскую очередь, которая рано или поздно (если только хватит здоровья) должна была привести его к адмиральским высотам, ибо никто из молодых офицеров не мог уже никогда его обогнать. Отныне он начинал неуклонное движение к адмиральскому чину, и остановить его могла только смерть.

Небезынтересно, что, несмотря на свои прекрасные морские качества, Нельсон до производства в капитаны не участвовал ни в одном бою. И это при том, что английский флот вел в ту пору достаточно активные боевые действия. Однако все это нисколько не помешало ему получить капитанский чин, которого многие достойные боевые офицеры добивались не один десяток лет. Получив вождеденное капитанство, Нельсон написал отцу: «Мы все продвигаемся вверх только с помощью смерти. Выстрел, убивший капитана, предоставил мне эту должность. Весьма искренне надеюсь, что и я покину этот мир таким же путем».

* * *

Между тем боевые действия уже шли почти по всему миру. В Ла-Манше в июле 1778 года сошлись эскадры адмирала Кеппеля и генерал-лейтенанта д'Орвиллье. При равенстве сил англичане вынуждены были оставить поле боя и искать спасения в Портсмуте. Эта первая проба сил вошла в историю как битва при Уэссане. В 1779 году французы и испанцы планировали высадку десанта на английские берега. Но из этого ничего не получилось: союзники так и не смогли договориться между собой, а английская эскадра адмирала Харди, настигнутая было французским флотом, опять спряталась в Портсмуте. В январе же следующего, 1780 года адмирал Родней разгромил испанского адмирала дон Жуана де Лангара, взорвав один и захватив шесть линейных кораблей. В ответ испанцы перехватили и пленили огромный английский торговый конвой. Вскоре после этого к союзникам примкнула Голландия. Голландская эскадра адмирала Зутмана также померилась силами с английским адмиралом Паркером. Более трех часов противники шли параллельными курсами и что было силы молотили друг друга из пушек. Маневрировать никто из них даже не пытался. Результатом сражения при Доггер-банке были горы трупов и боевая ничья. Вскоре после этого союзники все же отбили у англичан остров Минорку. Однако при Гибралтаре, несмотря на применение новоизобретенных плавбатарей, были разбиты. В целом в европейских водах ни одна из сторон так и не смогла добиться полного превосходства над противником.

Тем временем Нельсон продолжал службу в Вест-Индии. Вскоре после назначения на «Хинчинбрук» ему наконец-то крупно повезло. В первом же самостоятельном плавании у берегов Америки он захватил несколько груженных судов. Призовая сумма, доставшаяся капитану, составила около восьмисот фунтов. По тем временам весьма неплохие деньги. Часть этой суммы Нельсон отослал отцу, что позволило последнему привести в порядок свое весьма запущенное хозяйство. Однако Нельсон все же считает себя обойденным и мечтает заработать на призах еще не менее тысячи фунтов.

А обстановка в Карибском бассейне к этому времени значительно усложнилась. Беспрепятственному захвату англичанами американских транспортов пришел конец. В водах Вест-Индии появилась французская эскадра.

С целью завоевания плацдарма в Центральной Америке Даллинг решил направить отряд в полтысячи человек. Высадка планировалась в районе нынешней Никарагуа. Поднимаясь по течению реки Сан-Хуан и захватив одноименный испанский форт на реке, англичане должны были дойти до тихоокеанского побережья, перерезав важные коммуникации, связывающие испанские колонии в Центральной и Южной Америке.

План Даллинга был превосходен по замыслу, однако трудновыполним на практике: генерал-губернатор высчитывал все по карте, не принимая во внимание местные условия: трудность продвижения по джунглям, лихорадку и ядовитых змей.

В начале 1780 года Нельсон получает приказание адмирала Паркера перевезти отряд в устье реки Сан-Хуан.

Из воспоминаний командира отряда подполковника Полсона: «Светловолосый мальчик явился ко мне на небольшом фрегате... В течение двух-трех дней он проявил себя и после этого руководил всеми операциями».

Во главе небольшого отряда транспортов «Хинчинбрук», которым командовал Нельсон, покинул Ямайку. Переход к месту высадки прошел на редкость спокойно. Высадив десант, Нельсон должен был вернуться на Ямайку. Но молодой капитан нарушает адмиральский приказ. Факт сам по себе удивительный! Едва став капитаном, в первом же самостоятельном предприятии проигнорировать приказ главнокомандующего!

Главная цель экспедиции форт Сан-Хуан находился на шестнадцать миль выше по реке. Взять форт следовало любой ценой, ибо он прикрывал дорогу к озеру Никарагуа и городам Гренада и Леон. Не доходя двух миль до форта, нападающие выгрузили с лодок свои припасы и дальше тащили их уже на себе через джунгли. Когда англичане подошли к форту, в котором и не догадывались о нависшей опасности, Нельсон предложил командиру отряда атаковать испанцев, используя фактор внезапности. Но тот отказался, побоявшись больших потерь, и начал методично готовиться к штурму. Так были потеряны десять бесценных дней. В это время начался сезон дождей. Люди десятками заболевали малярией.

Самого Нельсона свалила дизентерия. Снова Нельсон был рядом со смертью, когда напился воды из озерца, где плавали ветви ядовитого дерева манцинеллы. Отравление было чрезвычайно сильным, но выручили индейцы, знавшие противоядие. Когда же Нельсон немного оправился от отравления, его свалила сильнейшая дизентерия.

В это время в лагерь доставили приказ адмирала Паркера, чтобы Нельсон немедленно возвращался на Ямайку и принял под свое командование фрегат «Янус», капитан которого умер. На «Янусе» Нельсон так и не появился, лишь формально принял дела. Больной капитан лечился в доме своего благодетеля адмирала Паркера, а леди Паркер лично исполняла при больном роль сиделки. Чета Паркеров искренне любила Нельсона и считала его чуть ли не своим сыном.

Несмотря на всю заботу главнокомандующего и его жены, Нельсон так до конца и не поправился. Поэтому с первым попутным судном его отправляют в Англию. Капитанский дебют Нельсона оказался, таким образом, достаточно неудачным.

* * *

Добравшись до Англии, Нельсон сразу же отправляется в курортный городок Бат. Состояние молодого капитана было ужасное: у него на некоторое время даже отнимаются ноги и приходится нанимать носильщиков. Нельсон мучительно переживает свою беспомощность. Выздоровление шло крайне медленно. Однако Нельсон не терял оптимизма. Спустя некоторое время он переезжает к брату. Наконец Нельсону предложили должность. Это был 28-пушечный фрегат «Албемарль» – старое французское торговое судно, год назад захваченное англичанами и наскоро переоборудованное в крейсер. Нельсон был рад и этому.

Разумеется, он чувствовал себя обиженным, разумеется, он мечтал вновь вернуться на Ямайку под крыло адмирала Паркера, однако Адмиралтейство рассудило иначе, и «Албемарль» был оставлен в северных водах.

Г. Нельсон в 1781 году. Художник Дж.-Ф. Риго

К этому моменту обострились отношения между Англией и Данией. Войны еще не было, но оба государства находились в состоянии вооруженного нейтралитета. «Албемарль» был направлен к датским берегам. Плавание по штормовому Северному морю показало низкие мореходные качества старого судна. Из-за явной ошибки в проекте мачты «Албемарля» оказались чересчур длинными, и фрегат был очень неустойчив. Однажды бедняга «Албемарль» едва не погиб. Когда Нельсона не было на судне, внезапно начался сильный шторм. Вдобавок ко всему на «Албемарль» налетело сорвавшееся с якоря ост-индское торговое судно, «Албемарль» тоже сорвался с якоря, и его понесло прямо к коварной мели Гудвинсэндз. В это время Нельсон метался по берегу и сулил любые мыслимые деньги рыбакам, чтобы те доставили его на борт судна. Однако желающих рисковать жизнью в штормовом

море не находилось. Наконец один из лодочников согласился доставить капитана за пятнадцать золотых гиней (сумма по тем временам огромная). Добравшись до «Албемарля» и вступив в командование судном, Нельсон успел его спасти от почти неминуемой гибели.

Зимой 1781 года «Албемарль» вместе с парой других фрегатов вел огромный – в 260 вымпелов – конвой из Дании в Грейт-Ярмут. Переход проходил в условиях непрерывного шторма, и к месту назначения дошли всего 110 судов. Остальные отстали, часть из них погибла. Адмиралтейство выразило военным капитанам свое неудовольствие. Служба на Северном море Нельсону не нравилась.

К большому огорчению Нельсона, его судно хоть и находилось не слишком далеко от основного театра военных действий, однако к настоящим боевым делам не привлекалось. А тем временем совсем недалеко гремели пушки линейных флотов, там решался вопрос об окончательном господстве в американских водах.

В апреле 1782 года неподалеку от Доминики произошло генеральное столкновение английского и французского флотов, вошедшее в мировую историю как Доминиканское сражение. В этом сражении англичане применили новый тактический прием. Когда корабль британского командующего адмирала Роднея поравнялся с четвертым французским кораблем в линии, он развернул корабль круто к ветру и прорезал линию французских кораблей. За Роднеем последовали пять ближайших к нему кораблей. Шестой прорезал французскую линию в другом месте, причем за ним последовали все остальные английские линкоры. Маневр дал совершенно неожиданные даже для самих англичан результаты. Корабли французского арьергарда сбились в кучу и сразу же подверглись огню впервые примененных каронад, огонь которых на малых дистанциях был особенно губительным. Обстреливаемые со всех сторон французы начали беспорядочно отступать. Вскоре весь французский флот пришел в полное замешательство и обратился в бегство. Родней начал преследование. Призами победителю стали пять линейных кораблей.

Англия ликовала, узнав о победе при Доминике. Родней в одно мгновение стал национальным героем. Можно только представлять, как кусал локти Нельсон, когда узнал, что удача обошла его стороной, и вместо того, чтобы пожинать победные лавры, он вынужден прозябать где-то вдали от главных событий.

Весной 1782 года «Албемарль» был назначен в состав блокадной эскадры в Квебек. Врачи отговаривали Нельсона от этого плавания, считая, что долгое пребывание в холодном климате может вызвать рецидив болезни. Друзья советовали Нельсону обратиться к только что назначенному лордом Адмиралтейства адмиралу Кеппелю. Однако Нельсон никого и ни о чем просить не стал. Возможно, потому, что побоялся вообще остаться без капитанской должности. Из письма Нельсона: «Вы знаете, что на родине меня почти ничто не интересует, имя Нельсона там едва ли известно. Но в один прекрасный день все может измениться, нужно лишь дожждаться случая».

С отплытием «Албемарля» к канадским берегам начинается новая страница жизни капитана Нельсона.

* * *

Прибыв в Квебек, «Албемарль» включился в несение блокадной службы. Здесь впервые проявилось достаточно либеральное отношение Нельсона к контрабандистам. Это лишило Нельсона достаточно большой суммы призовых денег. Такое поведение капитана особого понимания у команды не вызывало, однако в целом матросы Нельсона уважали, а потому ропота не было.

Всю осень 1782 года Нельсон провел в Квебеке, где приходил в себя от перенесенной цинги. Вопреки предостережениям врачей, климат Канады пошел ему на пользу. Из письма

Нельсона отцу: «Здоровье – это величайшее благо, которым мне не удавалось насладиться, пока я не попал в прекрасную Канаду. Она произвела во мне поистине удивительную перемену».

В Квебеке Нельсон встретил свою первую любовь. Ею стала 16-летняя дочь начальника военной полиции города Мэри Симпсон, очень спокойная и уравновешенная девушка. Это был первый роман Нельсона. Он был просто ошеломлен, увидев ее, пользовался любым предложением, чтобы побыть в ее обществе.

Нельсон не имел никакого опыта в амурных делах. Воспитание в семье священника сделало его пуританином.

Спустя месяц после знакомства с Мэри Нельсон объявляет своему другу судовладельцу Дэвисону, что решил оставить военно-морскую службу и просить руки мисс Симпсон. Дэвисон был почти ровесником Нельсона, но куда более опытным в делах житейских и любовных. Для начала он пытался образумить своего друга Горацио, говоря, что любовь к женщине не стоит любви к флоту. Затем, когда это не помогло, деликатно предложил Нельсону проверить силу своих чувств в разлуке. После долгих уговоров Дэвисону все же удалось уговорить друга отправиться в новый порт приписки Нью-Йорк, а заодно испытать истинность своих чувств.

Расставшись с Дэвисоном, Нельсон нанес прощальный визит Мэри и отправился к себе на фрегат. Когда же утром Дэвисон приехал в порт, чтобы проводить друга, отплывавшего на «Албемарль» в Нью-Йорк, то был поражен: от фрегата к берегу спешила шлюпка, в ней при всем параде восседал Нельсон, который ехал делать предложение Мэри. По счастью, Дэвисону удалось перехватить влюбленного и после долгой вразумительной беседы заставить его отказаться от своего опрометчивого решения. В конце концов Нельсон согласился вернуться на «Албемарль» и в самом мрачном состоянии отплыл в Нью-Йорк.

Зимняя Атлантика непрерывно штормила, и вскоре тосковать Нельсону уже просто не было времени. Об этом плавании он впоследствии писал: «Ничего не скажешь – приятная работенка в это время года, когда паруса промерзают до самых рей».

В ноябре 1782 года фрегат бросил якорь в двадцати милях южнее Манхэттена. В Нью-Йорке «Албемарль» поступил в распоряжение адмирала Дигби, известного на весь английский флот своей жадностью к деньгам.

На счастье Нельсона, как раз в это время в Нью-Йорке приводил в порядок свои корабли лорд Худ, старинный приятель его дяди. Узнав, что эскадра Худа назначена действовать в Вест-Индии, и напомнив адмиралу о былой дружбе, Нельсон попросил взять «Албемарль» под свое командование. Худ согласился. Толковые капитаны ему были нужны, и фрегат Нельсона перешел в подчинение к Худу. Так Нельсон уже самостоятельно нашел себе нового покровителя.

Вскоре Худ преподнес Нельсону весьма необычный сюрприз. Вызвав однажды его к себе на флагманский линкор «Барфлер», он представил ему молодого худощавого мичмана:

– Знакомьтесь, Горацио! Это принц Уильям! Я хочу, чтобы он послужил на вашем фрегате и вы стали хорошими друзьями!

Принц Уильям был не кем иным, как вторым сыном английского короля Георга III и будущим королем Англии Вильгельмом IV, вошедшим в британскую историю как «король-моряк».

Много лет спустя, уже после смерти Нельсона, принц Уильям напишет воспоминания о своей дружбе с ним, где отметит, что тогда, во время их первой встречи, его поразила мальчишеская внешность капитана.

Из воспоминаний будущего короля Вильгельма IV: «Когда Нельсон, капитан “Албемарля”, прибыл в своем баркасе, он показался мне мальчиком в форме капитана. Его одежда заслуживает подробного описания: на нем была парадная форма, отделанная галуном, пря-

мые и длинные, ненапудренные волосы собраны в жесткий гессенский хвост, полы старомодного камзола подчеркивали субтильность его фигуры и создавали тот самый эффект, который привлек мое внимание. Я никогда не видел ничего подобного и представления не имел, кто он и для чего прибыл. Однако, когда лорд Худ познакомил нас, мое недоумение рассеялось. Манеры и речь капитана Нельсона таили в себе великое обаяние; горячность, с которой он говорил о своей профессии, выдавала в нем человека необыкновенного. Я обнаружил, что он питает теплую привязанность к моему отцу и что он исключительно добр. Честь служения королю и величие Британского флота волновали его до глубины души – волновали, когда он был простым капитаном “Албемарля”, и позже, когда его украшали вполне заслуженные награды».

Трудно переоценить ту услугу, которую Худ оказал Нельсону, сведя его с наследным принцем. По существу, он предоставил племяннику своего покойного друга возможность обеспечить себе отличную карьеру. Теперь Нельсону оставалось только подружиться с Уильямом.

Впоследствии английские историки будут высказывать достаточно различные мнения относительно этой дружбы. Однако факт остается фактом: что только было в его силах, адмирал Худ для Нельсона сделал.

Разумеется, Нельсон и принц Уильям подружились. Английский биограф Нельсона Г. Эджингтон пишет: «Принц Уильям моментально попал под влияние Нельсона, умевшего тихим голосом убедить собеседника в своей правоте, и они стали друзьями. Нельсон признался, что ему хотелось бы командовать боевым кораблем в эскадре лорда Худа».

Перейти с маленького фрегата на линейный корабль – это невиданно даже для самых больших счастливиц, ибо для этого надо перешагнуть через старшинство нескольких десятков заслуженных капитанов, ждущих своей очереди для столь престижного назначения. Но Нельсону помешал «не вовремя» наступивший мир.

В водах Вест-Индии

Версальский мир не стал радостным для Англии. Несмотря на Доминиканскую победу Роднея, многочисленные поражения сухопутных войск в Америке от местных повстанцев заставили Лондон пойти на попятную. Англия была вынуждена признать независимость Соединенных Штатов Америки, отдать Испании Менорку и Флориду, а Франции – несколько островов Вест-Индии и часть своих владений в Индии и Африке.

Теперь Нельсон уже и не вспоминает о своем недавнем увлечении дочерью квебекского полицейского. Он всеми силами стремится как можно скорее проскочить как можно больше ступеней на длинной и трудной капитанской лестнице.

Однако до окончательного подписания мирного договора с Францией Нельсон сумел все-таки отличиться. «Албемарль» продолжал нести службу в вест-индской эскадре, и его капитану наконец-то улыбается удача: он захватывает богатый приз – французское торговое судно с грузом стоимостью двадцать тысяч фунтов. Однако, к большому неудовольствию команды, добычей приходится делиться. Закон британского флота однозначен: если во время захвата приза в пределах видимости находились другие английские суда, то добыча делится на всех. В пределах же видимости «Албемарля» находились сразу несколько английских судов.

И все же лорд Худ предоставил своему любимому капитану возможность отличиться в настоящей боевой операции. Нельсон был поставлен во главе флотилии, которой было велено отбить захваченный французами остров Терке в Багамском архипелаге. Вначале англичане предложили французам сдаться. Те, естественно, отказались. Тогда последовала довольно сумбурная атака, которая была отбита без особого труда. Понеся значительные потери, англичане отступили. Задуманная красивая победа на деле обернулась позорной неудачей и вызвала немало толков в офицерской среде.

После объявления о прекращении боевых действий Худ поручил Нельсону сопровождать принца Уильяма в Гавану во время его официального визита на Кубу.

А затем последовал приказ Адмиралтейства о выведении фрегата «Албемарль» в резерв и расформировании его команды. Матросы встретили это известие криками восторга. Теперь они могли свободно наняться на торговые суда, где не было военной дисциплины и хозяева предлагали хорошие заработки. Для Нельсона же адмиралтейский приказ был настоящей катастрофой, ибо предполагал сокращение его должности и как следствие этого – нищенское существование на берегу на половинное капитанское жалованье. Впрочем, Нельсон проявил себя как настоящий капитан: при расчете команды он добился, чтобы его матросам были выплачены все деньги до последнего пенни, а это по тем временам было делом весьма не простым.

Уже перед самым увольнением Нельсона с корабельной службы лорд Худ сделал для него последнее, что мог. Он взял любимого капитана с собой на прием в Сент-Джеймский дворец, где и представил его как молодого, талантливого и перспективного моряка самому королю Георгу III. Король удостоил взволнованного Нельсона беседы. Когда же Худ напомнил Георгу III, что Нельсон – это именно тот капитан, который сопровождал его сына в плавании на Кубу, то король милостиво пригласил капитана к себе в Виндзорский замок.

В Виндзорском замке Нельсон вновь встретился с принцем Уильямом, который был весьма обрадован встречей с товарищем по морской стезе.

Сиюминутной пользы знакомство с королем Нельсону принести не могло. Однако могло оказаться полезным в перспективе.

Там же в Лондоне Нельсона разыскал его старый и верный друг Дэвисон, тот самый, который в свое время отговорил его от опрометчивой женитьбы на квебекской красавице.

Разбогатец в Канаде, Дэвисон перебрался в Лондон, где выгодно вложил деньги и теперь намеревался открыть собственное дело. Друзья с улыбкой вспоминали прошлое.

– Надеюсь, что когда ты снова решишь покинуть флот из-за новой любви, то рядом с тобой вновь окажется верный друг! – поднял Дэвисон полный бокал вина.

– Я думаю, такого уже не случится никогда! – ответил Нельсон.

Пока у одного из друзей все складывалось более чем успешно, зато другой был, по существу, безработным, хотя и не слишком расстраивался на сей счет.

* * *

Несмотря на визит к королю, Нельсон никакой достойной должности для себя, как и следовало ожидать, от Адмиралтейства не добился. А потому Нельсон решил по примеру принца Уильяма отправиться посмотреть Европу, и в первую очередь Францию. К тому же жизнь во Франции была дешевле, и Нельсону с его скромным жалованьем там было бы легче сводить концы с концами. Настроение у нашего героя было прекрасное. Ему всего лишь двадцать пять, а он уже вполне заслуженный опытный капитан, которого принимал во дворце сам король. У него хорошая репутация, ему благоволит лорд Худ. Он молод, снова здоров, и впереди у него целая жизнь!

Испросив у Адмиралтейства отпуск по личным обстоятельствам, в конце октября 1783 года Нельсон отправился во Францию. Единственное, что ему понравилось во Франции, – это дешевая еда. Все остальное ему не понравилось. Даже ножи с деревянными ручками вызвали раздражение.

Остановился английский капитан в тихом Сент-Омере, который ему сразу понравился. Биографы будущего адмирала считают, что к этому времени Нельсон серьезно влюбился в какую-то едва ему знакомую девицу. На сей раз объектом новой любви нашего героя стала некая мисс Эндрюс, старшая из двух дочерей английского священника, отдыхающего со своей семьей во французском курортном городке Сент-Омер.

Будучи прекрасным тактиком, Нельсон действовал весьма разумно. Свои отношения с понравившейся ему девушкой он начал со знакомства с ее семьей. Очаровать главу семьи, преподобного Эндрюса, особого труда не составило. Сам выросший в семье священника, Нельсон прекрасно знал внутренний уклад и интересы подобных семейств. Помимо всего прочего, морским офицером оказался и брат девушки. Так что дело оставалось вроде бы за малым: понравиться самой мисс Эндрюс.

Как и предполагалось, родителей девушки Нельсон завоевал весьма быстро и вскоре стал у них своим человеком за обеденным столом. Однако мисс Эндрюс держала себя по отношению к влюбленному капитану весьма холодно. Нельсона это особенно не расстраивало, ибо он считал такое поведение результатом пуританского воспитания. Что касается самого Нельсона, то внешне он искал любой предлог для встречи, подстерегал буквально на каждом шагу и мог часами молча с обожанием глядеть на объект своей любви.

При этом финансовая несостоятельность угнетала Нельсона, и он просит денег у своего дяди Уильяма Саклинга (родного брата покойного Мориса).

Он вновь, как и в Квебеке, готов бросить службу и карьеру ради создания семьи и умоляет дядю помочь ему.

Только отослав письмо, Нельсон наконец-то решается сделать предложение и получает категорический отказ красавицы, которая не без оснований посчитала отставного капитана не слишком выгодной партией. Нельсон был буквально раздавлен. Ряд историков считают, что причина отказа девушки была совсем иной: во время предложения руки и сердца с Нельсоном случился эпилептический припадок, он упал и бился в конвульсиях, изо рта его шла пена. Насмерть перепуганная мисс Эндрюс попросту убежала от него.

Спустя несколько дней Нельсон уже оказывается в Лондоне. Теперь его уже ничто и никто не сдерживает, и он решает вскутить всех прелестей веселой жизни, насколько позволяют не слишком большие доходы. Вскоре он, уже вполне оправившись от полученной сердечной раны, пишет брату: «В Лондоне столько соблазнов, что жизнь мужчины уходит на них целиком».

Спустя некоторое время Нельсона приглашают в адмиралтейский департамент укомплектования, где сухонький старичок из бывших капитанов, пошелестев бумагами, предложил Нельсону старенький 28-пушечный фрегат «Борей», который готовился сейчас на верфи к отправке для несения дозорной службы к Подветренным островам Вест-Индии.

– Я понимаю, что раньше у вас были суда большего ранга! – сказал он, откашлявшись. – Но сейчас времена мирные, а потому, сами понимаете, с хорошими вакансиями плохо. «Борей» – это единственное, что мы можем вам предложить!

– Я согласен! – выпалил Нельсон, боясь, как бы старичок вдруг не сказал, что ошибся.

О большем Нельсон в его ситуации не мог и мечтать! Итак, нашему герою предстояло новое плавание, которое во многом определит его последующую карьеру и личную судьбу.

* * *

В середине июня 1784 года «Борей» вошел в окруженную высокими горами бухту Английская гавань острова Антигуа, где отныне ему и предстояло базироваться.

Пока фрегат приводили в порядок и загружали припасы, леди Хьюз представила Нельсона местному высшему обществу, и тот сразу же в очередной раз влюбился. Теперь избранницей его сердца стала вполне респектабельная замужняя дама Джейн Моутрей. Ее муж занимал должность постоянного представителя Адмиралтейства на Антигуа. Как и два предыдущих романа, этот тоже был обречен на неудачу, и прежде всего потому, что Нельсон в силу своей порядочности никогда бы не смог завести любовную интригу с женой своего сослуживца.

Современники отмечают, что леди Моутрей была красивой женщиной и являлась предметом неразделенной любви многих местных морских офицеров.

Как всегда в период влюбленности, Нельсон начинает искать всяческие предлоги, чтобы побывать в доме Моутрея, что после недавнего конфликта было делом нелегким, всюду преследует предмет своего обожания, гипнотизируя возлюбленную печальным и влюбленным взглядом. Теперь ему, разумеется, казалось, что он наконец-то встретил самую-самую. Впрочем, в скором времени все разрешилось само собой: чиновника отозвали в Англию. Вместе с ним отбыла и его красавица жена.

Не очень хорошие отношения сложились у Нельсона с командующим. Из всех адмиралов английского флота Хьюз был одним из самых бездарных, в его послужном списке не было ни одной сколько-нибудь стоящей победы. В Адмиралтействе его считали человеком слабым и бесхарактерным. Поэтому там решили убрать Хьюза подальше с глаз на далекие и не особенно важные в стратегическом отношении Подветренные острова.

Нельсон согласно Табели о рангах являлся первым помощником адмирала. Но они были настолько разными людьми, что конфликт был неизбежен.

Основной задачей, с которой Нельсон был послан в Вест-Индию, был контроль за соблюдением так называемого Навигационного акта – закона, принятого Англией для защиты собственной торговли от посягательств иностранцев. Принятый еще в XVII веке во времена Кромвеля, он считался основой основ процветания торговли Англии. Согласно Навигационному акту, в английские колониальные порты товары можно было ввозить исключительно на английских судах. Однако в точности акт не соблюдался. Предприимчивые американцы на своих шхунах всю торговали с жителями английских островных коло-

ний. Это устраивало и американцев, и местных английских торговцев, имевших с американской контрабанды немалую выгоду. Все о творившемся беззаконии прекрасно знали, но закрывали глаза на хорошие взятки.

Нельсон же считал: если торговля американцев наносит ущерб Англии, она должна быть в обязательном порядке искоренена. Хьюз и Ширли не раз советовали принципиальному капитану умерить свой служебный пыл, но Нельсон оставался глух ко всем увещаниям и с еще большим упорством стремился исполнять свой долг.

Мало того, он начал действовать. Вскоре недалеко от порта Сент-Китс «Борей» перехватил и арестовал сразу целый караван американских судов. Плохо разбираясь в столичных интригах, Нельсон и представить не мог, что с вест-индской контрабанды кормились не только местный генерал-губернатор и командующий эскадрой, но также свою долю – и немалую – имели и лондонские чиновники. Для них принципиальность Нельсона обернулась потерей доходов. Отныне, сам того не ведая, Нельсон приобрел в столице множество врагов, занимающих самые высокие посты и имеющих связи.

Женитьба и нелегкие годы

Тем временем в жизни Нельсона начинался новый период, когда он наконец-то решил заняться устройством своей личной жизни.

Началось с того, что Нельсона попросили доставить попутным рейсом на остров Барбадос мисс Герберт, племянницу главы острова Невис Джона Герберта. Будучи истинным джентльменом, Нельсон не мог отказать даме. По прибытии на Невис мисс Герберт пригласила Нельсона в гости. И там Нельсон увидел ту, в которую в тот же миг влюбился. Это была вторая племянница Джона Герберта, молодая вдова Фрэнсис Нисбет, проживавшая у своего дядюшки. Близкие, как это принято, именовали ее в домашнем кругу более ласково: Фанни. Под этим семейным именем Фрэнсис Нисбет и вошла в историю.

«Фанни, – пишет английский биограф Нельсона Г. Эджингтон, – была на несколько месяцев старше Нельсона, ей исполнилось двадцать семь лет. Родилась она на острове Невис, где ее отец, Уильям Вулворд, был старшим судьей. Рано потеряв мать, в двадцать лет она осталась круглой сиротой: отец умер от неизлечимой болезни. В последние дни судью лечил доктор Джосая Нисбет, и спустя четыре месяца после его кончины доктор сделал Фанни предложение, которое она приняла. Вскоре из-за болезни супруга молодым пришлось вернуться в Англию, где и родился их сын, названный Джосая в честь отца. Болезнь доктора прогрессировала, и в 1781 году – сыну еще не было и двух лет – он умер. Таким образом, Фанни осталась и без родителей, и без мужа... Единственным родственником, к которому она могла обратиться за помощью, был дядя Джон Герберт, тоже вдовец. Он предложил племяннице вернуться на Невис, который она считала своей родиной. Фанни с радостью приняла это предложение и взяла на себя роль экономки в доме дяди...»

По меркам восемнадцатого века Фанни была не красавица, уже не молода, но стройна и грациозна, с тонкими чертами лица и темными глазами. Она обладала изысканными манерами, свободно говорила по-французски и была прекрасной рукодельницей.

Другой британский историк дает следующую характеристику внешности Фрэнсис Нисбет: «У нее была элегантная фигура, свежий цвет лица, но острый нос и необщительные манеры».

Что касается самого Джона Ричардсона Герберта, то это был тот самый президент законодательного совета острова Невис, который не столь давно одним из первых призывал генерал-губернатора Ширли разделить с «маленьким человечком» Нельсоном. Поэтому можно представить изумление Герберта, когда он, вернувшись домой, застал у себя того самого «маленького человечка», который, стоя на четвереньках, загонял под стол его внучатого племянника. Этим ребенком, разумеется, был сын Фанни Нисбет.

Фанни, в свою очередь, была уже наслышана о Нельсоне. Во время первой их встречи за обеденным столом Фанни благодарила Нельсона за внимание к своему сыну. Надо ли говорить, что своим отношением к ребенку он сразу же покориł сердце его матери.

В Фанни он влюбился сразу. У Нельсона вообще была удивительная способность влюбляться почти во всех немногих симпатичных женщин, которые встречались на его жизненном пути. Ухаживать за ними, как это делали другие, – дерзко и красиво – он не умел, вел себя как-то по-детски, а порою и вовсе глупо.

Буквально через пару недель после знакомства Нельсон сделал Фанни предложение, и она, конечно, с радостью приняла его.

Долго оставаться на острове Невис фрегат Нельсона не мог, а потому история сохранила для нас несколько писем, которые влюбленный капитан писал своей избраннице из различных портов Карибского моря. В его письмах видны и глубина переживаемых чувств,

и искренность, и забота о их будущем, в них и тоска разлуки, и мечты о скорой встрече. В них весь Нельсон!

«Быть связанным с Вами – моя заветная мечта. Что касается чувств, которые служат основанием для супружеского счастья, то есть настоящей любви и уважения, хочу Вас заверить – по отношению к Вам у меня их более чем достаточно».

«Какие могут быть развлечения, когда я – вдали от самого дорогого мне существа! Никаких! Уверяю Вас, все мое счастье исходит от Вас, и там, где Вас нет, – там я несчастлив. Каждый день, каждый час и каждое событие убеждают меня в этом. Я пишу, а сердце мое наполнено чистейшим и самым нежным чувством. Ежедневно благодарю Бога за то, что он предопределил мне быть с Вами...»

Вскоре Нельсон пишет письмо своему дяде и снова просит у того денег на женитьбу. Письмо Нельсона Уильям Саклинг получил в самое неподходящее время: он в это время как раз сам надумал жениться на своей старой любовнице мисс Рамсей и поэтому был весьма стеснен в деньгах. Однако, верный своему слову, пообещал племяннику, что в случае его женитьбы с деньгами поможет.

* * *

Обещание Саклинга окрылило Нельсона, и он объявил о помолвке. Однако с этим делом пришлось повременить. Именно в этот момент адмирала Хьюза вызвали в Лондон, и Нельсон остался на Подветренных островах старшим морским начальником. Отныне ему уже никто не мешает соблюдать Навигационный акт так, как он его понимает. Нельсон сам становится заложником своего служебного рвения.

В конце 1786 года на Подветренные острова прибывает фрегат «Пегас» под командой старого знакомого Нельсона принца Уильяма, которого отец отправил подальше от столичных соблазнов. Как старший морской начальник Нельсон отныне командует и принцем.

Прознав о дружбе капитана «Борея» с капитаном «Пегаса», местная знать резко изменила отношение к Нельсону. Теперь его зазывали туда, куда раньше бы и на порог не пустили. Фанни могла гордиться своим избранником.

В течение нескольких месяцев Нельсон и Уильям были неразлучны. Сын английского короля и сын сельского священника всегда и везде появлялись только вместе. Самолюбие Нельсона было более чем удовлетворено. Он не без оснований рассчитывает, что эта дружба станет для него хорошим трамплином в будущей карьере. Из письма Нельсона: «Он говорил, что счастлив с тех пор, как служит под моим командованием, и дал мне понять, что, когда займет более высокое положение, я могу рассчитывать на его искреннюю дружбу. Не сомневаюсь, что он сохранит ко мне уважение и я буду иметь хоть какую-то поддержку по службе, если не будет ничего другого».

В свою очередь, принц тоже присматривался к Нельсону: «Нельсон представил меня своей будущей невесте. Она хорошенькая и разумная женщина и может получить много денег, если ее дядя, г-н Герберт, поступит прилично. Бедный Нельсон влюбился по уши, по этому поводу я частенько над ним посмеиваюсь. Если говорить серьезно... то ему скорее нужна нянька, чем жена. Я уверен, что он долго не протянет».

В ту пору Нельсон действительно выглядел ужасно и напоминал скелет, обтянутый кожей. Ходили слухи, что у капитана «Борея» прогрессирующая чахотка.

11 марта 1787 года состоялась долгожданная свадьба Нельсона и леди Фанни. Венчал молодых священник местной церкви. Свадьба, на которой присутствовал весь местный высший свет, была необыкновенно торжественной. Нельсон был чрезвычайно серьезен и горд происходящим, а Фанни – взволнованна и очень мила.

Из письма Нельсона своему старому другу капитану Локеру: «Я женился на милой женщине, и это с лихвой возмещает все мои неприятности. Собственно говоря, до женитьбы счастье мне было неведомо. И я совершенно уверен, что буду с ней счастлив до конца своих дней».

О, как плохо знал самого себя капитан «Борея», как мало представлял, какие невероятные повороты судьбы ожидают его в будущем!

У друзей нашего героя его новое положение вызвало куда более сдержанную оценку. Старый товарищ Нельсона Томас Прингл, например, писал одному из общих знакомых: «Вчера, сэр, флот потерял одного из своих лучших людей: женился Нельсон. Когда такой офицер вступает в брак, это потеря для всей нации. Если бы не это обстоятельство, я думаю, что он стал бы одним из величайших людей флота».

Решив бороться с нечистыми на руку снабженцами, Нельсон не рассчитал свои силы. Выявив несколько незаконных махинаций, он предал их огласке, написав письма во все высшие инстанции. Однако ничего доказать беспокойному капитану не дали, дело быстро замяли, а за Нельсоном в британском Адмиралтействе закрепилась репутация склочника и интригана. В письме капитану Локеру наш герой сетует: «Когда настанет этот заветный час, я буду счастлив. Никто не перенес на этой базе столько болезней и столько неприятностей, как я».

И здесь Нельсон не проявил провидческого дара: пройдет совсем немного времени, и он будет вспоминать службу в Вест-Индии как самое прекрасное время своей жизни.

* * *

Итак, в мае 1787 года Нельсон покинул Вест-Индию, чтобы никогда более туда не возвращаться. Фанни с сыном и Джон Герберт с дочерью отбыли с островов несколько позднее на торговом судне. Некоторые историки полагают, что за этим кроется охлаждение Нельсона к Фанни, другие, напротив, считают, что он постарался отправить свою молодую супругу в Англию на более комфортабельном судне, а не на непригодном для дам военном корабле. Как обстояло дело в действительности, сегодня сказать трудно.

Едва «Борей» достиг английских берегов, как чиновники тут же припомнили Нельсону все его своеволия. «Борей» был определен на самую неприятную и презираемую на флоте службу: на так называемую приемку. Служба заключалась в том, чтобы, стоя на якоре вблизи какого-либо порта, останавливать все проходящие английские торговые суда и силой снимать с них почти всю команду, оставляя ровно столько матросов, чтобы судно могло дотопиться до порта. Всех остальных забирали в военно-морской флот. К таким мерам Адмиралтейство прибегало в случае обострения политической ситуации и необходимости срочно увеличить численный состав флота.

«Приемка» никогда не пользовалась популярностью ни у офицеров, ни у матросов, но приказ есть приказ, и «Борей» отправился на охоту за пополнением. Почти полгода провел Нельсон за этим неприятным занятием.

Любопытно, что, находясь в непосредственной близости от берега, Нельсон вовсе не стремится лишний раз увидеться со своей молодой женой. В минуты откровения он говорит:

– Даже если голландские дела будут улажены, я не хотел бы сходить на берег! Я все больше убеждаюсь, что прежде всего влюблен в море, а затем уже в остальное!

И это спустя каких-то пять месяцев после свадьбы!

С воцарением мира для Нельсона возникла новая угроза. Его «Борей» был уже весьма стар, а потому не имел никаких шансов остаться в боевом строю флота. Такие суда подлежали консервации до следующей войны, а их команды – увольнению. Для матросов это означало поступление на торговые суда и хорошие заработки, а для капитанов – крах карьеры

и нищенское прозябание на берегу с жалованьем всего восемь шиллингов в день. И все же он не сдается и пытается бороться за свое будущее. Он обращается за помощью к своему бывшему сослуживцу принцу Уильяму.

Принц передал просьбу Нельсона первому лорду, и тот согласился принять обиженного капитана. Эта встреча состоялась.

– Я прекрасно вас понимаю, но поймите и меня, – сказал лорд Хау капитану. – Мы сильно сокращаем корабельный состав, и мне некуда девать многих заслуженных капитанов. Впрочем, я готов организовать вам встречу с его величеством.

Это была большая милость, и Нельсон, разумеется, ухватился за нее как за спасительную соломинку. Лорд Хау оказался человеком слова и уже через несколько дней взял капитана с собой в Сент-Джеймский дворец. Там Нельсон был в очередной раз представлен Георгу III. Король подробно расспросил капитана о службе своего сына, поздравил с женитьбой, пожелал успехов и удалился. Ничего конкретного Нельсону решить не удалось. Удрученный, он покинул дворец.

Будущее Нельсона было призрачно и туманно. А тут еще возобновились разбирательства, связанные с его борьбой за соблюдение Навигационного акта. Сразу же по приезде Адмиралтейство буквально засыпало Нельсона требованиями объяснить подробности его действий по обеспечению исполнения Навигационных актов. Все биографы Нельсона сходятся в том, что его враги «преуспели в создании предубеждения против Нельсона».

Некоторое время он все еще не понимает, что происходит вокруг него.

– Против меня в Адмиралтействе явно существует какое-то предубеждение, но я никак не могу догадаться и тем более определить его причину! – жалуется он Фанни.

Прошло немало времени, пока Нельсон начал все же кое-что понимать. Из его письма одному из друзей: «Об этой вещи, которая называется честь... сейчас больше не думают... Мое положение ухудшилось и в отношении службы на флоте, и в отношении служения моей стране».

* * *

Нельсон снимает дешевую квартиру на окраине Лондона. Денег едва хватало, ведь половинный оклад Нельсона не превышал сотни фунтов в год. Фанни привыкла к достатку, да и Нельсон изо всех сил пытался поддерживать определенный уровень жизни, чтобы не уронить себя в глазах знакомых.

После стольких лет упорного и тяжелого труда Нельсон страдал от вынужденного безделья и откровенно хандрил. Позднее об этом самом тяжелом и бессмысленном периоде своей жизни он напишет в воспоминаниях всего лишь одну фразу: «Я жил в деревне Бернем-Торп, в графстве Норфолк, в доме отца-священника». Больше об этом периоде ему было просто нечего писать.

Всю жизнь Нельсон мечтал жить в собственном доме, и хотя предоставленный ему отцом дом не являлся его собственностью, но все же позволял смягчить горечь крушения карьеры. Было бы ошибкой думать, что столь деятельный и предприимчивый человек, как наш герой, сидел сложа руки. Нет, он по-прежнему упорно пытался добиться своего восстановления на флоте, писал множество писем во все инстанции и всякий раз по-прежнему наткнулся на глухую стену непонимания. Англии Нельсон был явно не нужен.

Чтобы хоть как-то отвлечься от невеселых мыслей, он начинает увлеченно заниматься сельским хозяйством на отцовской земле. Сам вскапывает землю, сам сажает и сам выращивает. Приехавшему из столицы капитану Коллингвуду, привезшему последние флотские сплетни, Нельсон горделиво показал собственноручно выращенную капусту и, подражая Диоклетиану, сказал:

– Что эти ваши корабли, ты посмотри лучше, какую я вырастил капусту!
Но глаза его были грустны...

Увлекала Нельсона и охота. Однако местные жители ходить с ним на охоту опасались: Нельсон всегда носил ружье со взведенным курком и, чуть заметив шевеление в кустах, палил туда без всякого разбора. Удача посещала его крайне редко, а потому, когда однажды он принес из лесу подстреленную куропатку, Фанни сочла это величайшим из его подвигов.

Как и всякий нормальный мужчина, Нельсон мечтал о ребенке. Британская писательница Карола Оман пишет: «Надежда на появление детей постепенно исчезала на протяжении пяти лет, когда Нельсон оставался безработным. К концу этого периода, глядя на маленькую фигурку своей невротической тридцатипятилетней жены, которая была счастлива со своим сыном-мичманом, достававшим уже ей до плеча, он понимал, что у нее уже не будет больше беременностей».

Шло время. Наконец в воздухе запахло новой войной с Испанией. Нельсон сразу же воспрял духом. Он немедленно пишет письмо принцу и умоляет его замолвить за него словечко. Уильям показал себя настоящим другом и устроил Нельсону встречу с лордом Чатемом, только что ставшим новым главой Адмиралтейства. Затем Нельсон встретился со своим бывшим начальником лордом Худом. Тот формировал большой флот. Он просился на любое другое судно, лишь бы вернуться на действующий флот.

– Ни на море, ни на берегу из-за предвзятости какого-то чиновника моя преданность королю и Англии не может быть поколеблена! – заявил Нельсон, едва переступив кабинет своего бывшего командующего.

Однако Худ сразу же дал понять, что в сложившейся ситуации Нельсон вряд ли может рассчитывать на капитанское место. Отставных капитанов было слишком много, а открывающихся вакансий слишком мало.

– Если господам лордам будет угодно назначить меня хоть на самое утлое суденышко, я буду чувствовать себя бесконечно признательным до конца жизни! – покаянно склонил голову Нельсон.

Это была уже мольба, но Худ не предложил ему ничего.

С поникшей головой Нельсон вернулся в свою деревню, и его жизнь потекла, как и раньше: скучная и серая, ничемная и безвестная.

В начале 1792 года премьер-министр Англии Уильям Питт Младший, выступая перед палатой общин, заявил:

– Еще никогда не было такого времени, когда, оценивая сложившееся положение дел в Европе, мы могли бы с большим основанием, чем сегодня, ожидать мира в течение ближайших пятнадцати лет!

А вскоре кабинет министров принял решение о новом сокращении численного состава военно-морского флота еще на 15 тысяч человек.

Это значило, что с Нельсоном как с моряком покончено навсегда. Так бы, вероятно, все и случилось, и мы бы никогда не узнали его имени, если бы не события в революционной Франции.

* * *

С самого начала революции во Франции ее островная соседка с тревогой следила за развитием событий, предвидя самые неприятные последствия для своего могущества и влияния.

Первая дрожь охватила британские политические круги, когда в ноябре 1792 года Национальный конвент Франции принял декрет об освобождении всех народов от монархии. Это был уже экспорт революции. За словами последовало и дело. Уже в октябре 1792

года французская средиземноморская эскадра контр-адмирала Трюге подошла к лигурийскому городу Донеилу, чтобы установить там новую власть. Лигурийцы встретили якобинцев выстрелами. В ответ был высажен десант, который за день разграбил и сжег приморский городок. Затем настала очередь и Неаполя, подойдя к которому отряд капитана ля Туш-Тревиля потребовал извинений от короля Фердинанда за оскорбление символов французской революции. В случае отказа была обещана немедленная бомбардировка. Король Фердинанд был из Бурбонов, а потому хорошо понимал, что рассчитывать на снисхождение якобинцев, уже отрубивших голову его кузену Людовику, не приходится. Фердинанд извинения сразу же принес, не сделав при этом даже попытки использовать свой флот. В Париже обрадовались: «Короли боятся одного нашего появления!»

В январе 1793 года в Париже под ликование толпы казнили короля Людовика XVI. День спустя трибун революции Дантон, выступая в Конвенте, провозгласил: «Давайте бросим к ногам всех королей голову нашего короля как вызов на бой!» Конвент приветствовал этот призыв несмолкаемой овацией: «Смерть королям! Смерть тиранам всех стран!» Конвенту вторил генерал Гош: «Наши единственные враги – англичане!» Спустя несколько дней была казнена королева Мария-Антуанетта. Тогда же береговые батареи Бреста обстреляли британский фрегат «Чилдерс», случайно попавший под жерла французских пушек. Англия немедленно выдворила из страны французского посла. Некоторое время в Лондоне выжидали дальнейшего развития событий во Франции и с открытием боевых действий не торопились, надеясь, что революция ослабит извечного врага и тогда его можно будет задушить экономически. 1 февраля Франция стремительно захватила Австрийские Нидерланды, а затем Конвент объявил войну Голландии и Англии.

Все понимали, что если прежние англо-французские конфликты, вспыхивавшие почти каждое десятилетие, ограничивались, как правило, лишь крейсерской войной, несколькими морскими сражениями и очередным переделом колоний, то теперь речь шла уже о жизни и смерти одного из государств. Обоим им существовать было просто невозможно.

Революционный вихрь не обошел стороной и французский военно-морской флот. Разумеется, как и при всех революциях, изменения, происшедшие на нем, его боевых качеств не улучшили. Впоследствии адмирал Журьен де ла Гравьер сказал о случившемся: «Удар, нанесенный государственному управлению революцией, отозвался сильнее всего на его морском ведомстве!» За несколько лет флот, еще недавно на равных сражавшийся с англичанами, был низведен до самого жалкого состояния. Все началось, как обычно в подобных случаях, с кровавых расправ и изгнания офицерского состава. Адмиралитет был лишен всякой власти. Тех из адмиралов, кто не успел бежать, отправили на гильотину как потенциальных врагов народа. Теперь всем заправляли судовые комитеты и комиссары Конвента. Офицеров казнили по малейшему доносу: за аристократическое происхождение, за требовательность, за высказывания в адрес новых властей и даже за косой взгляд в сторону члена судового комитета. Многие офицеры, не дожидаясь расстрела, уходили сами. Начались полная анархия, массовое дезертирство и разграбление береговых арсеналов. Практически полностью прекратилось кораблестроение. Корабельных мастеров тоже объявили контрреволюционерами и большинство их уничтожили. Вслед за офицерами и кораблестроителями столь же безжалостно был уничтожен корпус морской артиллерии. Комендоры были объявлены аристократами, их тоже принялись казнить и изгонять. Затем такая же участь постигла и солдат морской пехоты. Теперь капитанами кораблей назначали тех, кто громче всех кричал на митингах и выглядел революционером. Недостаток офицерского состава пытались восполнить за счет капитанов торгового флота, но тем не слишком улыбалась перспектива участвовать в сражениях, а потому с торгового флота в военный шли далеко не лучшие представители. Результатом всего этого было то, что французский флот едва мог управляться в море, корабли едва держались на воде. Что касается качества артиллерийской стрельбы, то она

вообще была ниже всякой критики. По отзыву очевидцев, полновесный залп французского линкора приносил противнику меньше вреда, чем в былое время две пушки! И с этим флотом Франции предстояло вступить в многолетнюю полосу войн с Англией! Спустя несколько лет новые руководители Франции наконец-то поняли, что, громя собственный флот, они готовят и собственное уничтожение. Некоторые меры по исправлению положения дел были приняты, однако удар, нанесенный военно-морскому флоту Франции, был такой силы, что восстановить былую боеспособность не удалось вплоть до конца наполеоновской эпохи.

В отличие от Франции, английский парусный флот находился на самом пике своего развития. Именно к этому времени английские адмиралы отказались от устаревших догм и после Доминиканской победы уже не боялись использовать новые тактические приемы. И офицерский, и рядовой состав был вполне профессионален, имел достаточный боевой и морской опыт. Малейшие проявления недовольства матросов подавлялись на английском флоте тех лет с предельной жестокостью. Превосходной и отработанной до мелочей была и береговая база флота: арсеналы, верфи и магазины.

Итак, война революционной Франции со всей остальной Европой, и в первую очередь с Англией, была делом решенным. Острословы той поры называли это столкновение «борьбой льва с акулой».

Первой примкнула к создаваемой Англией коалиции Россия. За ней против безбожников-якобинцев решились выступить Пруссия и Австрия, Голландия и Гессен-Кассель, Неаполь и Сардиния.

Капитан «Агамемнона»

С объявлением войны с Францией в Англии немедленно началось спешное формирование большого флота. Все сразу пришло в движение. В портах ремонтировали даже такую рухлядь, которую еще вчера не решились бы даже поставить на брандвахту. По городам и весям собирали моряков, и в первую очередь капитанов с опытом океанской службы. С послужного списка Нельсона стряхнули пыль, и он был вызван в Лондон. Разговор в Адмиралтействе был недолог:

– Вам предлагается вступить в командование 64-пушечным кораблем «Агамемнон». Эта «боевая повозка», честно говоря, не из самых сильных. Но «Агамемнону» всего лишь двенадцать лет, и он неплохой ходок. Вы согласны?

– Да, сэр! – едва не прокричал Нельсон, все еще не в силах поверить в свое счастье.

«Агамемнон» был включен в формируемый средиземноморский флот, командование над которым было поручено лорду Худу. Все словно вернулось на круги своя, и снова Нельсон был капитаном у своего старого начальника. Худ принял командира «Агамемнона» весьма радушно.

Вместе с собой на корабль Нельсон взял и своего приемного сына Джосаю. Нельсон убедил Фанни, что чем раньше мальчик ступит на палубу, тем для него будет лучше. Кроме того, под его опекой с мальчишкой ничего не случится.

Прощаясь с женой, Нельсон обнял ее:

– Я навсегда соединен супружескими узами с самой хорошей из всех существующих женщин! А потому я оглядываюсь на наше общее прошлое, как на самый счастливый период своей жизни!

Всклипнув, Фанни уткнулась лицом ему в плечо. Нельсон погладил ее по голове:

– Никогда ничего не бойся! Я однажды с улыбкой вернусь обратно!

4 февраля 1793 года Нельсон отправился к месту службы.

В эти дни Нельсон чувствовал себя, наверное, самым счастливым человеком на свете.

Пока все складывалось для Нельсона как нельзя лучше. На Средиземном море следовало ожидать столкновений с французским флотом, а следовательно, реальной становилась возможность быстро отличиться. Кроме этого Нельсона вполне устраивал и климат.

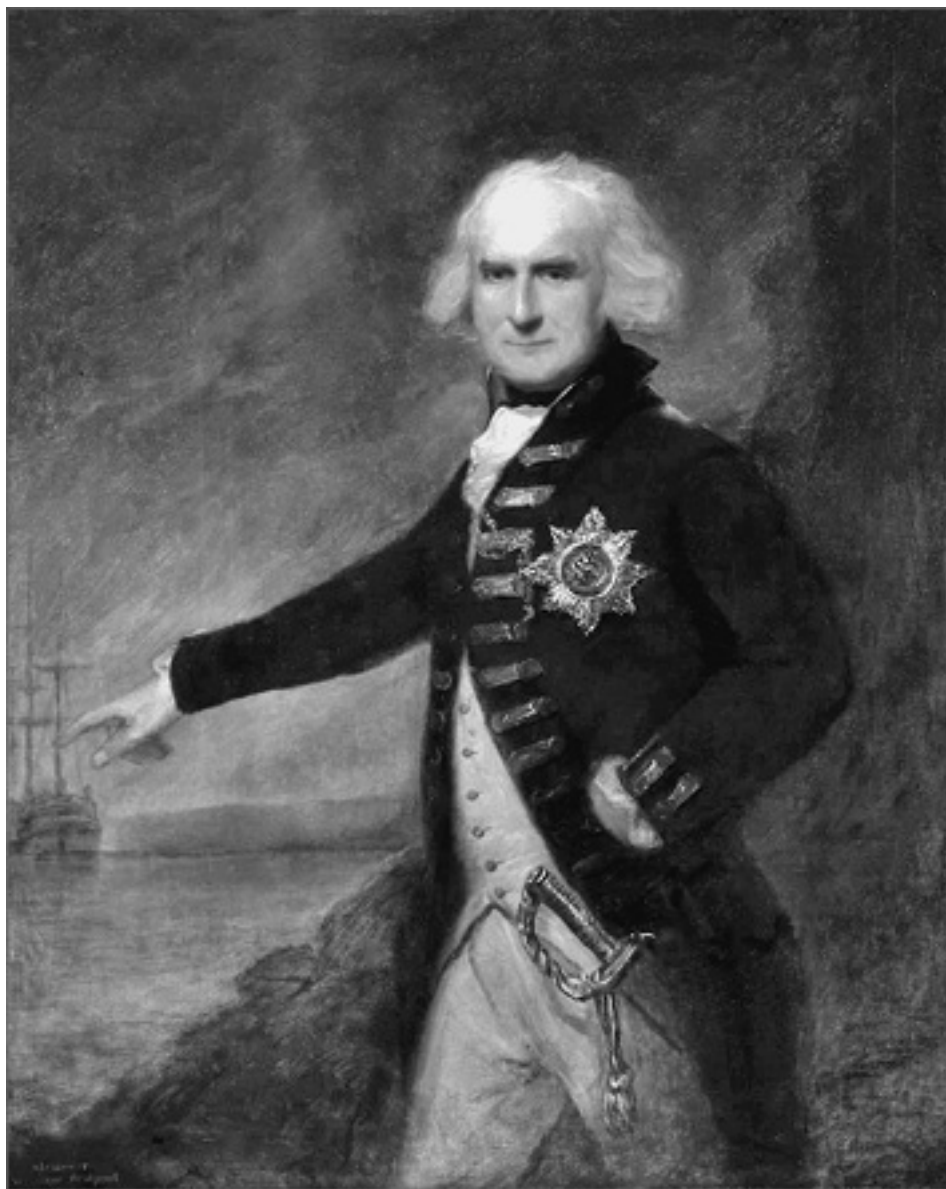
Приняли запасы продуктов, налились водой. Чтобы укрепить моральный дух, Нельсон заранее попросил общество христианского учения прислать ему Библию и молитвенники. Предстояла борьба с неверующими якобинцами, а потому матросы должны были, по его мнению, черпать духовные силы не в богохульствах, а в близости к Господу. В последнюю очередь с подошедшей баржи загрузили порох и ядра. Свистками собрали команду на шканцах. Старший лейтенант зачитал параграфы морского устава об ответственности каждого в военное время.

Нельсон еще раз придиричиво окинул взглядом такелаж, рангоут: вроде бы все так, как надо. Позади у него было пять лет полного забвения, впереди же ждало море. «Агамемнон» готовился покинуть чатемскую гавань. Вместе с ним готовился начать свой путь к величию и славе его командир, путь, который уже сможет прервать только смерть.

* * *

Вскоре британский флот лорда Худа уже качался на средиземноморских волнах. Позади был первый долгий переход с заходом в испанский Кадис. Пока напуганная французским экстремизмом Испания прильнула к Англии и стала ее союзницей, однако придет

время и все переменится. Нельсон об этом еще ничего знать не может, но опытным профессиональным глазом он придирчиво оглядывает испанский флот. Испанские капитаны приняли своих английских коллег на 112-пушечном флагмане. Мог ли предположить капитан Нельсон, что последним триумфом его жизни станет спустя двенадцать лет захват именно этого гиганта!

Адмирал А. Худ. Художник Л.-Ф. Эббот

В Кадисе Нельсон запасся парой бочонков любимого всеми моряками испанского черного черри. Один для себя, другой – в подарок своему старому другу капитану Локеру, тому самому, у которого он начинал когда-то мичманом на фрегате «Ловестов». Ныне Локер служил начальником морского госпиталя в Гринвиче, и Нельсон надеялся передать ему подарок с первой okazji.

Адмирал Худ вел свои корабли к французскому порту Тулон, где было все еще велико влияние роялистов, мечтающих создать в Провансе независимое от революционной Франции южно-французское королевство. Худ очень торопился успеть к Тулону раньше, чем яко-

бинцы возьмут там власть в свои руки, а потому от Гибралтара флот нигде ни на минуту не задерживался.

Уже вскоре после Гибралтара Худ пригласил Нельсона к себе на корабль и в приватной беседе сообщил, что готов предоставить ему под начало один из новейших 74-пушечных линейных кораблей. Сердечно поблагодарив командующего за оказанное доверие, Нельсон от заманчивого предложения отказался:

– Сэр! Мы только еще стали спланировать команду, и мой уход разрушит это едва начатое дело! К тому же я просто не могу оставить своих офицеров, которые стали мне уже весьма дороги!

– Что ж, пожалуй, вы правы, Горацио, – кивнул после недолгого раздумья Худ. – Возвращайтесь к себе на «Агамемнон».

Уже вскоре Нельсон начинает скучать по Фанни. Годы совместной жизни в деревне очень привязали его к жене. Это первая их столь долгая разлука, и Нельсон изливает свою тоску на бумаге: «Как я жду писем от тебя! Это самое большое удовольствие, на какое я могу рассчитывать (конечно, не считая жизни рядом с тобой). Я вспоминаю наше единение как счастливейшее время моей жизни. Ты славная женщина. Но, поскольку здесь я никак не могу проявить свою нежность к тебе, я проявляю двойную к Джосае, который получает и твою долю, и свою собственную. Он хороший мальчик и очень сильно меня любит».

Вскоре объединенный британо-испано-сардинский флот в составе 40 линейных кораблей под командованием адмиралов Худа и дона Жуана де Лангара вошел в гавань Тулона. 29 августа был высажен десант, который быстро занял все бастионы. В руки англичан попала фантастическая добыча – почти весь средиземноморский французский флот: три десятка линейных кораблей и полтора десятка фрегатов.

Разумеется, захват важнейшего средиземноморского порта не остался без внимания Парижа. К Тулону немедленно двинулись революционные полки. Вскоре команды английских кораблей уже хорошо слышали доносящуюся с берега пушечную пальбу. Это осадившая город республиканская армия начала методический обстрел. Что касается моря, то здесь осажденным бояться нечего: английский флот надежно прикрывал их от любых неожиданностей. В Тулоне роялистские войска тоже были не слишком многочисленны, однако у Худа сухопутных войск не было вовсе. Адмирал пишет королю Фердинанду письмо с просьбой о поддержке. Письмо необходимо доставить в Неаполь к британскому послу Уильяму Гамильтону, чтобы он передал его сицилийскому королю. Худ вызывает к себе Нельсона, ставит задачу, вручает запечатанный пакет и желает удачного плавания.

«Агамемнон» снимается с якоря и быстро исчезает в туманной дымке моря. Так, сам того не ведая, лорд Худ отправил Нельсона на встречу с его судьбой, на встречу с той роковой и последней женщиной, которая станет для него самым близким человеком и чье имя он будет шептать уже холодеющими губами. Лорд Худ отправил Нельсона на встречу с супругой английского посла леди Эммой Гамильтон.

* * *

Ныне весь мир знает ее как Эмму Гамильтон. Настоящего же имени этой женщины – Эми Лайон – не помнит почти никто. Судьба ее настолько необычна, что, не будь даже на ее пути Нельсона, имя ее все равно сохранилось бы в памяти потомков.

У. Гамильтон. Художник Дж. Рейнольдс

Эми Лайон родилась в семье кузнеца в деревушке Нестон, что в графстве Чешир. Рано осталась сиротой, воспитывалась бабушкой. С четырнадцати лет была в услужении, а затем переехала в Лондон. Первым красоту и очарование юной Эми заметил некто Джеймс Грэхем, врач-самоучка, лечивший состоятельных горожан от импотенции и бесплодия в своем так называемом «Храме здоровья». Методика лечения была незамысловата. Вначале паци-

ента окунали в грязевую ванну, затем отмывали и клали на «звездное ложе», расположенное между магическими магнитами. Рядом с пациентом возлежали почти голые девушки – «жрицы». Как правило, последнее действовало на пациентов лучше всего, и лондонцы находили методику лечения доктора Грэхема весьма эффективной. Главной «жрицей» в этом «Храме здоровья» и была юная Эми Лайон.

Однажды в «Храме здоровья» объявился капитан британского флота Джон Уиллет-Пейн, слывший известным сердцеедом и приятелем развратного принца Уэльского. Заплатив Грэхему хорошие деньги, он получил право провести ночь с главной из «жриц здоровья». Спустя некоторое время Эми наскучила Пейну, и он передал ее своему другу Гарри Фезерстоунху. Гарри успешно спускал родительское состояние, и ему нужна была красивая, веселая и не обремененная особой моралью подружка. Фезерстоунх поселил Эми в своем загородном доме, где она развлекала гостей хозяина, танцуя обнаженной на столе. Фезерстоунх не был собственником и великодушно позволял своим друзьям пользоваться благосклонностью Эми. Все было бы, наверное, хорошо, однако в один прекрасный день Эми поняла, что беременна. Деваться было некуда, и она призналась в случившемся своему покровителю. Гарри Фезерстоунх был обижен такой черной неблагодарностью в ответ на его гостеприимство и тут же выгнал Эми из своего дома. Эми вернулась в родную деревню к бабушке, где благополучно родила девочку, которую тоже назвала Эммой. После рождения дочери она решила сменить фамилию и стала отныне Эммой Харт. Вернувшись в Лондон, Эмма отыскивала одного из друзей сэра Гарри – 33-летнего Чарльза Гревилля, сына графа Уорвика. Из всех многочисленных клиентов Эммы он всегда казался ей наиболее увлеченным ею. Переговоры двух бывших любовников были недолгими, и Эмма стала содержанкой Чарльза Гревилля.

Связь сэра Чарльза с Эммой длилась более четырех лет. Но пришел день, когда он захотел жениться на девушке из хорошей семьи. Затянувшаяся связь с проституткой стала его утомлять. Зная бойкий характер своей содержанки, Гревилль не без оснований опасается скандала, который сейчас ему совершенно не нужен, а потому Гревилль как благородный джентльмен решает пристроить Эмму в хорошие руки. Он заметил, что молодая женщина весьма нравилась его престарелому дяде сэру Уильяму Гамильтону.

Уильяму Гамильтону было в ту пору уже шестьдесят лет, возраст для XVIII века весьма преклонный. Гамильтон происходил из древнего аристократического рода, однако, являясь младшим из сыновей, не унаследовал ни титула, ни состояния. От умершей жены он унаследовал крупное поместье в Уэллсе с доходом 5 тысяч фунтов в год. Благодаря связям получил место посла в Неаполе, рыцарский крест ордена Бани и право зваться сэром. Слыл образованным человеком, увлекался античным искусством. В 1774 году Гамильтон оказал немалую услугу России, способствовав графу Алексею Орлову в поимке известной авантюристки княжны Таракановой, предъявлявшей претензии на русский престол.

Дипломатическая служба престарелого вдовца не сложилась, и на протяжении многих лет он оставался послом в незначительной европейской державе. Однако наделенный философским складом ума Гамильтон давно уже успокоился, хитросплетения высокой политики его не слишком занимали, в Неаполе же ему нравилось. Посол более двадцати раз совершал восхождения на дымящийся Везувий, занимался коллекционированием древностей. Принадлежащая Гамильтону коллекция этрусских ваз имела европейскую известность. Однако недруги посла поговаривали, что его усердие в отношении поиска древностей не лишено спекулятивных целей.

Предприимчивый племянник предложил одинокому дяде сделку: он отдает дяде надоевшую любовницу, а за это дядя делает его своим наследником.

Дядя от предложения племянника пришел в восторг. Все статьи договора его вполне устраивали. Во-первых, он сразу же получал красавицу, а так как своих детей у него не имелось, то ему было в общем-то все равно, кому завещать свои капиталы.

Проблема оставалась только одна: как уговорить Эмму сменить молодого любовника на старого. Но и здесь у хитроумного сэра Чарльза был готов весьма остроумный план.

Для начала он уговорил Эмму поехать погостить в Неаполь к его дяде, обещая, что тоже приедет к ней спустя некоторое время. Эмма появилась в доме Гамильтона как раз в день своего рождения – ей исполнился двадцать один год. Гамильтон встретил красавицу по-королевски, выделил ей отдельные роскошные апартаменты, слуг и собственный выезд. Почти ежедневно Эмма получала от посла богатые подарки, несколько позднее стали поступать и предложения разделить с ним ложе. Эмма отказывалась и писала Чарльзу Гревиллю полные любви письма. Между тем Гамильтон становился все щедрее и настойчивее. Помимо него любви английской красавицы стал добиваться и король обеих Сицилий Фердинанд. Эмма занервничала. Она не совсем понимала, что происходит. Помимо всего очень редкими и холодными стали и письма от Чарльза. Наконец ей стал понятен смысл интриги. Разумеется, красавица была оскорблена. «После тебя меня никто не получит», – написала она в Лондон. В ответ Гревилль посоветовал ей не терять даром времени и стать любовницей дяди.

Один из биографов Эммы Гамильтон, некто Джек Рассел (не слишком ей симпатизирующий), констатировал: «То, что такая сделка могла быть заключена двумя цивилизованными джентльменами, обладающими изысканными манерами, которые торговали женщиной, как лошадью, свидетельствует лишь об уровне морали тех дней... То, что любовница перешла от племянника к дяде, считали несколько эксцентричным, чуточку смешным, но никто не поднял шума, никто не порицал, хотя всем было хорошо известно, когда Эмма утвердилась в Неаполе. Гревилль позднее стал членом королевского двора... А сэр Уильям занимал свой пост еще на протяжении пятнадцати лет».

Однако Эмма была уже не той деревенской простушкой, что не столь давно танцевала на банкетных столах. У нее появился шанс, и она решила его любой ценой использовать. Пусть Гамильтон стар, зато он умен, образован и очень учтив.

Три года Эмма прожила с сэром Гамильтоном на правах содержанки и уже настолько вжилась в роль настоящей леди, что ее оскорбляло, что ее не принимают при дворе. Все эти три года она методично и планомерно убеждала сэра Гамильтона, что ему непременно следует на ней жениться.

Наконец Гамильтон и сам стал склоняться к женитьбе. Однако как истинный дипломат он первым делом выяснил, не повредит ли будущая женитьба его репутации при королевском дворе. В ответ Гамильтон получил заверения короля Фердинанда и королевы Марии Каролины в том, что жена английского посла всегда будет с радостью принята при их дворе.

А потому во время ближайшего отпуска шестидесятидвухлетний сэр Гамильтон женился на двадцатилетней Эмме. Произошло это достославное событие 6 сентября 1791 года в церкви Марилебон. Женитьба старого аристократа на бывшей проститутке сразу же стала достоянием общества. Лондонские поэты изошрялись в эпиграммах:

О, рыцарь неаполитанский, правда ль то,
Что, бросив галерею, где хранил
Ты мраморных и бронзовых богов,
Женился на богине, но живой?
Запри чертог на хитрых сто замков
Из опасенья, что красавица твоя
Уйдет бродить – вот так, из баловства.
И если вдруг, хватившись божества,

Ты бросишься на поиски во храм,
Не удивляйся, если ты ее найдешь —
Как следует пошарив по кустам.

Что касается Гамильтона, то он игнорировал все пересуды и искренне гордился своим приобретением. Возможно, в его поведении был свой смысл: престарелый дипломат давал этим понять, что, женившись на молодой женщине, он полон и духовных, и физических сил, что вполне способен и дальше исполнять свои служебные обязанности, что его еще рано списывать со счетов.

Безусловно, Эмма была необыкновенно красива. В этот период ее увидел путешествовавший по Италии Гёте. «Леди очень хороша собой», – записал он в дневнике о супруге английского посла.

Эмма Гамильтон. Художник Дж. Ромни

Зная живой и веселый характер своей молодой жены, ее необыкновенную общительность, Гамильтон, безусловно, надеялся, что она вскоре установит самые тесные связи с неаполитанской королевой и тем самым переведет отношения английского посла с королем из формально-дипломатических в семейно-дружеские. Что это значило для влияния Англии на расклад политических сил в Средиземноморье, да еще в столь тревожное время, говорить не приходится. Исходя из этого, думается, что помимо своего личного увлечения молодой красавицей сэр Гамильтон преследовал и политические цели. Это лишний раз доказывают и все последующие отношения четы Гамильтонов с Нельсоном. Нет, сэр Уильям вовсе не был, как пишут иные историки, старым сластолюбивым маразматиком. Он был опытным и

циничным дипломатом, для которого нравственность и добродетель не имели никакой цены по сравнению с задачами большой политики. Он был сластолюбив, но его сластолюбие касалось не только и не столько предмета его обожания, сколько той великой интриги, которой он посвятил всю свою жизнь и в которой не без оснований считал себя гроссмейстером. Эмме сэр Гамильтон отвел роль не только королевы своего сердца — она должна была стать ферзем на шахматном поле грядущих политических игр, с ее помощью он намерен был выиграть все партии!

Сразу после женитьбы Гамильтон начинает настоящую «рекламную кампанию» для Эммы, стараясь создать вокруг нее ореол неотразимой и роковой красавицы, законодательницы мод и хозяйки влиятельного политического и светского салона. Эмма подходила для этой роли как нельзя лучше. Она обладала врожденной артистичностью и прекрасными манерами, умела мгновенно перевоплощаться, у нее был превосходный голос и замечательный слух. Вскоре, поняв всю силу обаяния Эммы, Гамильтон устраивает весьма оригинальные представления для избранной публики с участием своей молодой жены, во время которых она драпировалась в полупрозрачные шали и принимала красивые, но несколько вызывающие позы. В неаполитанском высшем свете эти представления именовали достаточно невинно — «живые картины». Действо «живых картин» было настолько смело и дерзко для того времени, что они весьма быстро достигли намеченной цели. Дом Гамильтонов стал самым известным политическим салоном Неаполя, а леди Гамильтон — самой блестящей светской львицей в королевстве.

Из записок Гёте, посетившего такое представление в доме Гамильтонов: «Старый рыцарь (Гамильтон. — В.Ш.) заказал для нее греческий костюм, который ей поразительно идет. В тунике, с распущенными волосами, манипулируя парой шалей, жена его принимает самые разнообразные позы, меняет выражение глаз и лица, причем так искусно, что зрителю кажется, что он грезит наяву. Творения художников, которые считали их своей удачей, зритель видит в движении, в восхитительном разнообразии и совершенстве. Вот она стоит, вот опускается на колени; сидит, потом ложится. Мы видим ее серьезной или печальной, игривой или ликующей, кающейся или бездумной; она то угрожает, то страждет — все эти состояния души быстро сменяют друг друга. С удивительным вкусом она драпирует шаль по-разному в зависимости от выражения лица; из одной и той же косынки она способна сделать различные головные уборы. Старый рыцарь держит в руках лампу и всей душой переживает этот спектакль».

На писателя Хараса Уолпола, друга Гамильтона, приехавшего навестить его в Неаполь, леди Гамильтон произвела неотразимое впечатление своим пением: «О! Да ведь она изумительно поет! У нее красивый, сильный голос, она прекрасно исполняет и комические, и трагические вещи. Партию Нины она спела на высочайшем уровне, к тому же ее позы — это целый театр, где царят грация и мимика». Впрочем, Уолпол на правах старого друга все же деликатно поинтересовался, как относится Гамильтон к не совсем беспорочному прошлому своей жены, которое ни для кого секретом не было.

Гамильтон отреагировал на это замечание философски:

— Общеизвестно, что раскаявшийся распутник превращается в примерного мужа. Почему того же нам не сказать и о женщине?

Что касается королевы Марии Каролины, то вскоре она стала самой близкой подругой Эммы. Недруги говорили, что в их связи было нечто порочное, и основания для таких подозрений действительно были. Каролина, как и Эмма, была весьма изобретательна в любви и, страдая от невнимания мужа, имела явную склонность к любви однополый. Поэтому, когда королева и Эмма при каждой встрече в нарушение всех существующих правил бросались в объятия друг друга и страстно целовались, это шокировало присутствующих. Однако никаких доказательств любовной связи Марии Каролины с Эммой у историков нет.

Неаполитанская королева была на редкость цельной и сильной личностью. Дочь австрийской императрицы Марии-Терезии, родившая восемнадцать детей (из которых в живых остались восемь), она фактически отстранила от реальной власти своего мужа и единолично правила королевством. Именно поэтому интимная дружба Марии Каролины с Эммой делала последнюю едва ли не соправительницей королевства.

Что касается короля Фердинанда IV, то он являлся типичным Бурбоном: был туп и ленив, любил свежевать убитых оленей и кабанов. При всем этом король был еще и патологически труслив.

Чтобы понять поведение королевы, необходимо знать, что в тот момент для нее и короля Фердинанда были чрезвычайно важны тесные союзнические отношения с Лондоном. Революционная Франция уже во всеуслышание объявила Королевство обеих Сицилий в числе своих врагов. Общей сухопутной границы между государствами не было, но Франция зарилась на Северную Италию, и за то, как повернутся события в самое ближайшее время, ручаться не мог никто. Но Франция имела сильнейший флот на Средиземноморье, составить конкуренцию которому могли только англичане. А потому для королевской четы были так необходимы дружеские отношения с четой Гамильтонов, которые в этой непростой обстановке могли оказать неоценимую помощь.

При этом сам Гамильтон, понимая, что в скором времени у него уже не хватит сил удерживать рядом с собой свою страстную и любвеобильную супругу, иногда достаточно цинично шутил в узком кругу:

– Неаполь – это тот город, куда можно завлекать мужчин перспективой переспать с женой английского посла!

Впрочем, что касается самой Эммы, то она хранила верность своему пожилому мужу почти семь лет.

На румбах Средиземного моря

Адмирал Худ столь поспешно погнал Нельсона в Неаполь, что тот не успел даже пополнить свои порядком истощившиеся припасы. Пришлось обходиться тем, что имелось. Вряд ли, глядя со шканцев «Агамемнона» на приближающуюся панораму Неаполя, Нельсон предполагал, какая встреча ожидает его на этом берегу. Думается, в этот момент капитана линкора волновали совсем иные мысли.

Отправляя Нельсона в плавание, Худ, безусловно, давал ему шанс сразу же выделиться из остальных капитанов, показать себя умелым и инициативным, а сам он мог теперь иметь возможность отличать его на этом основании и в дальнейшем. А потому Нельсон был просто обязан исполнить поручение быстро и четко. Война только начиналась, и было чрезвычайно важно с самого ее начала стать первым на пути к славе и чинам.

Капитана «Агамемнона» встретил лично посол Гамильтон, которому Нельсон и вручил письмо Худа к королю. Теперь следовало ждать ответа. Чтобы ожидание не было слишком тягостным, Гамильтон пригласил Нельсона погостить это время у него дома. Тогда-то и произошла первая встреча Нельсона с леди Гамильтон. Вот как на склоне лет вспоминала о ней сама Эмма Гамильтон, писавшая о себе в третьем лице: «Когда сэр Уильям вернулся домой после первой встречи с капитаном Нельсоном, он сказал своей жене, что собирается представить ей одного человека, который не может похвастаться особой красотой. Однако, добавил сэр Уильям, “этот английский моряк, капитан Нельсон, в свое время станет величайшим из людей, которых Англия когда-либо производила на свет. Я понял это уже из тех немногих слов, которыми успел с ним обменяться, и утверждаю, что в один прекрасный день он приведет мир в изумление. Никогда еще я не принимал в своем доме офицеров, но его я намерен пригласить к нам. Пусть его разместят в комнате, приготовленной для принца Августа”. После чего Нельсон был представлен леди Гамильтон. Он жил в доме ее мужа все то короткое время, что был в Неаполе. С этого момента зародилась пылкая дружба троих людей, которая, становясь все сильнее, продолжалась вплоть до их кончины. Эмме Гамильтон выпала горькая участь умереть последней».

К этим воспоминаниям следует относиться критически. Дело в том, что писала их Эмма уже после смерти Нельсона, когда слава о нем стала поистине мировой, а потому, вероятно, ее позднейшее восприятие его личности было спроецировано на самый ранний период их отношений. Большинство британских историков считают, что в это первое их знакомство 28-летняя красавица отнеслась к Нельсону весьма безразлично: мало ли капитанов в английском флоте! Что же касается того внимания, что было оказано Нельсону со стороны самого посла, то и здесь личность моряка не имела никакого значения: Гамильтон оказывал должное внимание реестровому капитану лишь из соображений большой политики. Согласитесь, весьма сомнительно, чтобы Гамильтон, взглянув на первого пришедшего в Неаполь капитана, сразу же заявил, что это будущий гений английской нации. Тот факт, что Гамильтон пригласил капитана к себе в дом, несмотря на огромную разницу в служебном положении, имеет совсем иное объяснение.

Дело в том, что Нельсон привез не просто письмо. Он привез просьбу, от выполнения которой зависела будущая карьера Гамильтона. Много лет он уверял Лондон, что имеет влияние на короля Фердинанда. Если Гамильтон справится и уговорит Фердинанда, положение его еще более упрочится. Если нет, то песенка его будет спета. В этой связи для Гамильтона имело большое значение общение с Нельсоном. В интимной домашней обстановке он мог узнать у капитана много важных для него подробностей о ситуации в Лондоне и в Тулоне, а также выяснить особенности характера лорда Худа, от которого зависело сейчас так много. Кроме того, с капитаном нужно было подружиться. Вот почему следовало поселить этого

капитана у себя дома, расспросить и очаровать. В последнем должна была участвовать Эмма – безотказное «секретное оружие» английского посла. В успехе Эммы сомневаться не приходилось: если перед ее чарами не могли устоять самые изысканные кавалеры Европы, то уж с никогда не видевшим настоящих светских львиц капитаном она должна была справиться шутя.

На решающую аудиенцию к королю Фердинанду Гамильтон взял Нельсона с собой.

Едва пришедшие обменялись любезностями с королем, как тот сообщил, что, по имеющимся у него сведениям, восставший Тулон пал перед революционными французскими войсками. Возникла немая сцена. Положение спас Нельсон, который в резкой и не допускающей возражений форме опроверг сообщение, назвав его провокационным и нелепым слухом.

Вечером Нельсон ужинал в кругу семьи Гамильтонов. О впечатлении, которое произвел Нельсон на Эмму, мы уже говорили, но какое впечатление произвела Эмма на Нельсона? Из письма Нельсона жене: «Леди Гамильтон удивительно добра и мила... Эта молодая обходительная женщина делает честь своему положению, которое она занимает в свете».

Эмма, безусловно, произвела сильное впечатление на Нельсона.

На следующий день паруса «Агамемнона» исчезли в безбрежном море. Сейчас Нельсон с Эммой только познакомились. Их следующая встреча произойдет спустя долгих пять лет, но именно она станет решающей для обоих.

* * *

К моменту возвращения Нельсона борьба за Тулон приняла самый ожесточенный характер. Из Неаполя прибыли войска, и их тут же с ходу бросили в бой. На близлежащих холмах республиканцы установили осадную артиллерию и теперь простреливали город и гавань вдоль и поперек. Едва войдя в гавань, «Агамемнон» тут же получил несколько ядер в такелаж.

– Привыкайте, Нельсон, у нас здесь жарко! – этими словами встретил лорд Худ бывшего к нему на борт капитана «Агамемнона».

Прочитав письмо и выслушав доклад капитана, Худ лишь покачал головой:

– Я весьма признателен королю Фердинанду за его готовность оказать нам помощь, однако, судя по развитию событий, она нам уже не понадобится.

В тот же день часть команды «Агамемнона» была свезена на берег, чтобы пополнить ряды обороняющихся. Нельсон рвался с ними, но командующий велел ему оставаться на борту корабля. Между тем с каждым днем огонь осадных французских батарей становился все более точным и массированным. Чтобы избежать напрасных потерь, английские корабли начали постепенно выходить на внешний рейд. Исход битвы за Тулон становился все более очевидным.

Так состоялась первая заочная встреча двух будущих великих противников: морского капитана Горацио Нельсона и артиллерийского капитана Наполеона Бонапарта. Нельсон уже ощутил на себе огонь умело расставленных бонапартовских пушек, а Бонапарт видел мачты нельсоновского корабля. Оба еще не знают о существовании друг друга. Однако скоро, очень скоро они друг о друге узнают...

Под свист пролетающих ядер Нельсон пишет письмо жене: «Зачем тебе нервничать? Я здоров, твой сын тоже, и жизнь у нас нормальная. Конечно, насколько это позволяет служба... Лорд Худ сейчас совершенно такой, как раньше; он настолько хороший офицер, что нам всем следует его уважать. Все иностранцы в Тулоне его боготворят, и, если бы с ним что-нибудь случилось, я уверен, что никто на флоте не смог бы его заменить».

Довольный итогами его миссии в Неаполе, лорд Худ решил отправить его с новым дипломатическим заданием в Тунис. Дело в том, что тунисский бей все еще колебался в выборе союзника, и Нельсону надо было постараться убедить его заключить союз с Англией.

– Действуйте решительно и говорите убедительно, тогда у вас все получится! – наставлял его лорд Худ.

Однако по пути к Тунису Нельсону пришлось пережить несколько весьма неприятных часов. У берегов Сардинии «Агамемнон» внезапно нос к носу столкнулся с французской эскадрой, патрулировавшей здешние воды. Три 44-пушечных фрегата и два 24-пушечных корвета против одного 64-пушечного линейного корабля, у которого к тому же отсутствовала почти половина команды.

Однако жажда победы была столь велика, что Нельсон, невзирая на численное превосходство неприятеля, сам ввязался в неравный бой. Умело маневрируя, он пытался разобщить французские суда, чтобы затем расправиться с ними поодиночке. Однако и французы тоже были не лыком шиты.

Спустя три часа после начала боя Нельсон понял, что, если и далее будет упорствовать, сражение неминуемо обернется его поражением и пленением. Повреждения «Агамемнона» были уже весьма значительны, тогда как французские суда пострадали не сильно. Пока не поздно, следовало заканчивать бой, что капитан «Агамемнона» и сделал. Оторвавшись от неприятеля и кое-как исправив повреждения, Нельсон прибыл в Тунис.

Тунисский бей внимательно слушал все доводы англичанина, однако с ответом не спешил. Тогда Нельсон выложил свой последний аргумент:

– Ваше величество, дружить с французами нельзя хотя бы потому, что они имеют обыкновение казнить своих законных правителей!

– О да! – закивал огромным белым тюрбаном бей. – В мире нет ничего более гнусного, чем казнь собственного повелителя. Однако, насколько я знаю, вы, англичане, тоже отрубили голову своему королю! Так чем же вы лучше французов?

На это ответить Нельсону было нечего. Переговоры завершились полным провалом.

Тогда же пришли и последние новости из Тулона. Король Фердинанд, верный своему слову, опять прислал свежие войска, но они прибыли как раз к моменту сдачи города. Никому дотоле не известный артиллерийский капитан Бонапарт столь удачно расположил осадную артиллерию, что в ходе непрерывной 48-часовой бомбардировки смел с лица земли пушки защитников, после чего начался генеральный штурм. Впереди одного из отрядов шел и Бонапарт (уже майор!), который вскоре был ранен английским матросом.

Лорд Худ эвакуировал часть гарнизона и вывел флот в открытое море. Его запоздалая попытка уничтожить французский линейный флот, сохранявший до поры до времени нейтралитет и отстаивающийся в дальнем углу тулонской гавани, была неудачной. Несмотря на столь серьезные потери, большая часть французского флота все же осталась целой и попала в руки республиканцев. Таким образом, тулонская миссия адмирала Худа завершилась позорным провалом. В том же Тулоне французам спустя несколько месяцев после ухода англичан удалось ввести в строй семь линкоров и девять фрегатов.

– Худ не только сдал город, но и не смог сохранить то, что лежало у него в кармане! – судачили по всей Англии. – Теперь с этим французским флотом мы еще намучаемся!

В постигшей англичан неудаче многие обвиняли недруга и соперника Нельсона капитана Сиднея Смита, который руководил бездарной атакой на французский флот. Если итог тулонской эпопеи был известием для Нельсона неприятным, то неудача Смита доставила явное удовлетворение.

– Теперь всем уже очевидно, что лорд Худ ошибся в этом человеке! – со злорадством говорил Нельсон в эти дни своим офицерам. – Поистине права старая поговорка: «От большого болтуна – всегда малый толк»!

Потерпев неудачу в Тулоне, адмирал Худ перегруппировал свои силы. Часть средиземноморского флота так и осталась у Тулона, осуществляя теперь блокаду города и находящегося там французского флота. Несколько отрядов были разосланы в разные стороны для перехвата французских судов. Небольшой отряд был доверен и Нельсону: несколько малых судов во главе с его «Агамемноном». Худ настойчиво давал своему любимцу еще один шанс отличиться.

К этому времени Нельсон все еще не имел никакой боевой славы, однако приобрел репутацию способного и инициативного капитана.

* * *

Проиграв битву за Тулон и прозевав прорвавшиеся туда французские линейные корабли, Худ жаждал реванша. Британскому средиземноморскому флоту нужна была надежная база. Выбор адмирала пал на остров Корсику. Туда он и решает отправить капитана «Агамемнона».

Теперь перед Нельсоном стояла задача поддержать корсиканского повстанца Паскуале де Паоли, боровшегося сначала с генуэзцами, а затем и с французами. Понимая, что французов ему не одолеть, Паоли был вынужден обратиться к помощи англичан. Те, разумеется, не отказали. Получить столь важный форпост, как Корсика, было для британского флота настоящим подарком.

Изначально все сухопутные операции по уничтожению французского гарнизона Паоли брал на себя. Нельсон же должен был блокировать остров и не давать французам возможность перебросить на него подкрепление. Однако Нельсон не был бы Нельсоном, если бы ограничился только пассивной блокадой. Тем более что на борту судов находился достаточно многочисленный десантный отряд во главе с генерал-майором Дандасом. Едва прибыв к Корсике, Нельсон и Дандас сразу же высадили десант в сто двадцать человек, который захватил мельницу и мучной склад на берегу. Мельницу тут же сожгли, а муку сбросили в море. Теперь французы остались почти без хлеба. Французы попытались было наказать непрошенных гостей, но англичане вернулись на корабли прежде, чем французы успели сделать по ним хотя бы один выстрел.

Радости Нельсона не было предела, ведь это была его пусть маленькая, но первая победа! Теперь надо было развивать успех. Капитан «Агамемнона» вновь высаживает десант, который начинает наступление на городок Бастия, где стоял небольшой французский гарнизон.

Оставив «Агамемнон» на старшего лейтенанта, Нельсон принял участие в этом походе. Продвигались англичане медленно. Местность была гористая, лошадей не было, и пушки приходилось тащить волоком. Нельсон был за внезапный штурм Бастии, Дандас возражал, настаивая на осаде. От местных жителей Нельсон узнал, что гарнизон Бастии почти в два раза больше, чем он полагал. Однако он никому об этом не сказал, пока городок не был захвачен. Только тогда он во всем признался Дандасу.

– Смерть со славой – это самая завидная участь! – говорит Нельсон своим подчиненным. – Если с каждым из нас что-либо случится, не печальтесь, это всего лишь долг, который всем нам предстоит заплатить. Самое же страшное – жить опозоренным! Будем же храбрыми!

Постоянное соприкосновение с опасностью быстро сделало Нельсона фаталистом.

Повстанцы совместно с английским десантом постепенно освобождали остров от французов. Наконец в руках последних остался лишь город Кальви, который был осажден летом 1794 года. Англичане уже предвкушали скорую победу, когда в их лагере начались поваральные болезни.

Глядя, как с каждым днем растет число могильных холмов, Нельсон негодовал:

– Мы измощаемся до смерти, прежде чем успеем навредить этим треклятым французам!

В один из дней, когда он осматривал позиции неприятеля, шальное ядро ударило рядом с ним в бруствер, осколок камня попал капитану «Агамемнона» в бровь и повредил зрительный нерв.

– Наша жизнь находится в руках Бога, но мое имя, моя честь находятся в моих руках! – так якобы сказал Нельсон после полученной раны.

На этом, собственно говоря, участие его в боях за Корсику и закончилось.

Теперь мы подходим к весьма не любимой британскими историками деликатной истории с невидящим глазом Нельсона. Принято считать, что в бою при Кальви Нельсон был ранен в глаз, после чего на него ослеп. Потому на всех классических портретах он изображен с черной повязкой, закрывающей его ослепший глаз. Однако не столь давно в британской прессе появились статьи, утверждающие, что рана Нельсона была настолько незначительна, что его даже не внесли в официальные списки раненых, так как с глазом почти ничего не случилось, лишь несколько снизилась острота зрения.

Нельсон, ожидавший за Корсику наград и отличий, но не получивший ничего, жалуется, скрупулезно подсчитывая все свои заслуги, не забывая даже самых мелких: «В течение ста десяти дней я фактически участвовал в военных действиях против врага на море и на суше. У меня на счету три морских боя, два – против Бастии на моем корабле и четыре боя на небольших судах, с моей помощью заняты две деревни, сожжено двенадцать парусников. Не знаю человека, который сделал бы больше. Я с удовольствием слушал похвалы главнокомандующего, но не получал наград, а что еще обиднее – за верную службу и ранение хвалили не меня, а тех, кто лежал в постели далеко от поля боя. Меня не оценили по достоинству. Ну ничего, я еще попаду в газеты».

Именно тогда Нельсон объявляет во всеуслышание, что его раненый глаз ничего не видит, что он получил увечье, и если его обошли наградой, то должны хотя бы назначить пенсию как инвалиду. Кто мог проверить, видит Нельсон раненым глазом или нет, а если видит, то насколько хорошо? Никто! Теперь капитан «Агамемнона» везде и всюду появляется с черной повязкой, свидетельствующей о совершенных им подвигах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.